

Не плачьте о нас

*Светлой памяти Петра Инполитовича Деньгубова,
составившего документальный материал для этой повести*

Лейтенант Марков

Уже сутки через Пятигорск отступали наши части. Серые от пыли, шли и шли колонны красноармейцев. Лица у бойцов были измученные и злые.

На фурах и в бричках, на полуторках везли тяжелораненых из местного госпиталя; они бредили, просили пить. Женщины приносили им воду, на ходу пытались покормить.

Последними город оставляли курсанты танкового училища. И вот тогда Витька Дурнев понял, что ждать дальше нельзя – надо уходить со своими. Об этом он и сказал своему другу Эдику Попову.

– Не возьмут, – Эдик покачал головой, – уж я как военкома обхаживал, даже домой к нему бегал. Было бы нам хоть по шестнадцать...

– Чудак! Мы же не в строю с курсантами пойдем, мы сперва приотстанем, а потом объявимся. Куда они нас денут?

– Ты думаешь?

– Ну, ясно. В крайнем случае, я Садовского попрошу.

Витькина мать до вчерашнего дня работала поварихой в училище, где полковник Садовский был начальником. На это Витька и надеялся: шутка ли, такое знакомство.

Пока не перешли Подкумок, Витька и Эдик держались от курсантов поодаль, в пестрой разноязычной толпе беженцев. Потом осмелели и подошли к отдохавшему на обочине взводу курсантов, которым командовал молодой светловолосый лейтенант. Взвод почему-то не торопился догонять своих и занимался разными делами, словно на обычном привале, – курсанты «заправлялись» тушенкой, чистили оружие и переобувались.

– Товарищ лейтенант! Разрешите обратиться, – по-военному, в струнку вытянулся Витька (недаром же он постоянно крутился во дворе училища).

– Слушаю, – лейтенант натянул разбитые сапоги и поднялся.

– Примите нас в свое подразделение. Ну, пожалуйста, – закончил Витька совсем не по-уставному.

Лейтенант смерил ребят оценивающим взглядом.

– Мы и стрелять умеем, и гранаты бросать, – вставил Эдик с надеждой.

– Ага, – сказал лейтенант. – А вы сами-то откуда? Пятигорские?

– Так точно, пятигорские...

– Стало быть, хотите стать красноармейцами? Это славно. Только взять вас к себе, к сожалению, не могу. Не имею права.

Ребята сникли. Лейтенант помолчал, потом спросил:

– Пионеры?

– Пионеры, – тихо ответил Витька. – Тимуровцы [1].

– Город хорошо знаете?

– Каждый камешек.

– Тогда считайте себя временно мобилизованными.

Витька и Эдик переглянулись, не смея поверить такому везению.

– Давайте присядем, в ногах, говорят, правды нет, – предложил лейтенант. – Как вас зовут?.. Ага. А меня Марков. Теперь вот что: как только стемнеет, мы вернемся назад, в Пятигорск.

– Назад? – разом изумились ребята.

– Отставить разговоры! – Марков достал из планшета план города к развернул его. – Что это за квартал, знаете?

– Мясокомбинат, – сразу сказал Эдик.

– Верно. Его нужно взорвать, как только там появятся немцы.

– Зачем же ждать? – удивился Витька. – Тогда будет труднее.

– Вопрос лишний. – Марков нахмурился.

Не мог же он объяснить ребятам, что танковое училище оставило в городе три боевые группы, три десанта, перед которыми стояла задача внезапно нанести врагу возможно больший урон и поднять в городе панику, и что позднее он, Марков, должен был наладить связь с местным партизанским отрядом.

В ночь на 10 августа истребительный взвод лейтенанта Маркова залег на правом берегу Подкумка.

Подкумок – речка мелкая, но быстрая и шумная на перекатах. В сухую погоду воды в нем бывает по пояс. Когда же в горах гуляют весенние ливневые грозы, он словно сатанеет, и тогда через него небезопасно перебираться даже на лодке. Нынешним летом дождей почти не перепало, и Подкумок совсем присмирел.

На небе высыпали крупные остроиглые звезды. Ночь стояла не очень холодная. Все ждали возвращения разведки. В разведку ушли двое курсантов. Повел их Витька Дурнев. Собственно, главное было ясно: немцы уже в городе. Весь день слышалась ружейно-пулеметная стрельба, особенно сильная у подножия Машука, потом все стихло, доносилось только урчание танков. Неясно было, есть ли гитлеровцы на территории мясокомбината. Вот для этого и послал лейтенант разведку.

Она вернулась, когда небо на востоке уже слегка зазеленело, а звезды стали гаснуть.

– Докладываю, – тихо сказал один из курсантов. – Судя по числу мотоциклов и машин, немцев на комбинате много.

– Охранение?

– Только у ворот. Мы подходили вплотную. Парень там все ходы и выходы знает, – курсант потрепал по плечу смущенного Витьку. – Если бы не он, мы бы в темноте заплутали.

– Что ж, пора. – Марков взглянул на светящийся циферблат часов. И первым шагнул в воду.

Когда все выбрались на берег, Марков сунул Витьке и Эдику по «лимонке».

– Чеку выдернуть не забудьте, – шепнул он. – И от меня ни шагу.

У ворот комбината маячила фигура часового. Его можно было бы снять бесшумно, но Марков как раз хотел, чтобы шуму и грохоту было побольше.

– Круши их, ребята! – крикнул он и первым полоснул из автомата.

Взвод ворвался во двор комбината. Захваченные врасплох, немцы выскакивали из помещений в одном белье и падали под огнем курсантов. Ухали взрывы гранат, вражеские машины вспыхивали, словно груды сушняка.

Подрывники тем временем закладывали толовые шашки под корпуса комбината.

Ребята, как и было приказано, держались рядом с лейтенантом. Витька на бегу подобрал немецкий автомат, но выстрелить из него не успел ни разу: Марков приказал отходить. Взвод побежал назад к воротам. В глубине двора еще вспыхивали

прерывистые огоньки выстрелов – это продолжали отстреливаться уцелевшие гитлеровцы.

Курсанты отступали к Подкумку тем же путем, что и пришли. А к комбинату на полном ходу уже неслись немецкие мотоциклисты.

Перешли вброд Подкумок, и тут оказалось, что Марков сильно хромает: его задело автоматной очередью.

– Кажется, в бедро угодило, – сказал он, кривясь от боли. – Сержант Евсеев, немедленно уводите всю группу.

– А вы, лейтенант? – откликнулся Евсеев.

– Повторяю – это приказ. – И Марков что-то добавил сержанту на ухо.

И тогда вмешался Витька:

– Тут близко пещера есть. Мы спрячем вас. Только решайте быстрее, товарищ лейтенант.

– Хорошо, попробуем, – сквозь стиснутые зубы ответил Марков. – Евсеев, выполняйте приказание...

И в это время грохнули взрывы. Над комбинатом занялось зарево пожара...

Возвращение в город

В полдень, поднимаясь на чердак своего дома, Витька Дурнев соображал: что сказать Юре и Леве? С малых лет живут бок о бок, и скрывать от них правду вроде бы нечестно. А с другой стороны, имеет ли он право доверить им чужую тайну?

В двери торчало гусиное перо.

– Кто-то уже здесь, – обернулся к Эдику Витька.

Он постучал. Брякнула задвижка, и дверь, скрипнув, распахнулась.

– Витька? Легок на помине, – сказал Лёва Акимов. – Кто это с тобой? А, Эдик... Ну проходите.

За самодельным столом сидели еще двое – Юра Бондаревский и Мурат Темирбеков с Теплосерной. Через маленькое оконце, глядевшее на улицу Сакко и Ванцетти, падал на стол ребристый столбик света. На столе лежала карта, исчерченная стрелами. Тикали старые ходики. В углу чердака тускло поблескивала груда пустых бутылок. Ребята собирали их для зажигательной смеси, но сдать успели не все [2].

– Где же вас носило? – спросил Юра.

– Пробовали пробиться к своим, – признался Витька.

– Очень по-товарищески. Матери оставил записочку, а нам ни слова.

– А вам-то кто мешал? – огрызнулся Витька.

– Не цапайтесь, – строго сказал Лева Акимов, приглаживая рыжие вихры. Несмотря на августовскую жару, он почему-то был в суконной гимнастерке с петличками ремесленного училища. – Давайте-ка лучше подумаем, как жить дальше.

– А что думать? – заговорил вдруг Мурат, не проронивший до сих пор ни звука. – По-моему, надо связаться с подпольщиками. Не может быть, чтобы наши не оставили в городе разведчиков. Вот найдем их и будем помогать.

– Повесим объявление, – съязвил Юра Бондаревский. – «Срочно разыскиваем подпольщиков. Обращаться по адресу: Теплосерная, 30, Темирбекову».

– Перестань, – осадил его Лева. – Мурат прав: подпольщики в городе, конечно, остались. А кто же другой, по-вашему, взорвал мясокомбинат?

Эдик и Витька незаметно переглянулись.

– А кто дал фрицам прикурить у Машука? – продолжал он. – Их же там добрую сотню положили [3]. Я к чему речь веду? К тому, что наш город сопротивлялся и

будет сопротивляться. Ну, а мы? Прежде чем искать подпольщиков, мы должны заслужить их доверие.

– Делом заслужить, – сказал Витька.

– Правильно. Прежде всего надо раздобыть оружие.

– Один автомат у нас уже есть, – не утерпел Эдик. – Немецкий, между прочим, с рожком. Мы его в пеще...

Под колючим взглядом Витьки Эдик прикусил язык.

– Говори, чего же замолчал? Все секреты разводите, – обиделся Юра.

Но Лева остановил его:

– Ты дашь договорить?.. Я еще вот что хотел сказать: надо потихоньку, не в лоб, потолковать с другими ребятами. Кому мы верим.

– С Колотушкой, например. Всю жизнь в одном доме живем, – сказал Мурат. – С Васькой Лисичкиным.

– Витьку Колотилина я знаю, – подтвердил Лёва. – Он тоже в ремесленном учился. У него старший брат погиб, а двое воюют. Парень надежный. Между прочим, хорошо рисует. Это может пригодиться. Для листовок, например. Нам бы еще приемник раздобыть.

– Стоп, – сказал Эдик. – Есть один парень, в нашем доме живёт – Юра Качерьянц. Мастер на все руки. Мы с ним, правда, не очень дружили.

– Почему?

– Он постарше нас, комсомолец. Я с ним потолкую.

– Договорились. – Лёва припечатал ладонь к столу. – Где собираемся в следующий раз?

– Да хоть у меня, – предложил Юра.

– Ладно. Завтра у тебя в пять. А теперь по одному на улицу. Надо посмотреть, что в городе.

Юра Бондаревский шел по родному городу и не узнавал его. На главной улице, Советской, стояли немецкие полевые кухни. Возле них толпились веселые загорелые солдаты в коротких – выше коленей – штанах и в рубашках с засученными рукавами.

Они ели из плоских котелков, разглядывали прохожих и громко смеялись.

Советская улица шла от самого вокзала и упиралась в Цветник – парк под горой Горячей, отрогом Машука. До войны Цветник был любимым местом гуляния пятигорчан и курортников. Сейчас здесь полуголые немецкие солдаты обливались из ведер минеральной водой – день выдался на редкость жаркий. Замки со всех магазинов были сбиты. На тротуарах сверкали осколки витрин. Кое-где мостовые были белыми, словно только сейчас выпал неурочный снег. Этот снег поскрипывал под подошвой, как настоящий.

«Сахарный песок», – догадался Юра.

И всюду флаги – красные с белым кругом посередине полотнища, а в кругу черная, режущая глаз свастика. И всюду, куда ни глянешь, приказы, приказы, приказы: на заборах, на стенах домов. За каждой строкой их стояла смерть. Смертная казнь за хранение огнестрельного оружия и военного имущества, за укрытие партизан, коммунистов, военнослужащих Красной Армии, за появление на улице после восьми часов вечера.

У Цветника в двухэтажном доме, на застекленной веранде уже было открыто кабаре. "Fur Offizire", – прочёл Юра на вывеске. Из распахнутых настежь окон доносился патефонный вздох певца-эмигранта...

На плечо Юры легла чья-то рука. Он обернулся и увидел высокого сероглазого парня лет семнадцати. Лицо его было Юре знакомо, но он не мог вспомнить, где видел этого человека.

– Как поживает Нина Елистратовна? – спросил парень.

– Н-ничего.

– Я учился у твоей матери. Меня зовут Спартак. Спартак Никитин... Ты что здесь делаешь?

– А ты?

– Да вот знакомлюсь с новым порядком.

– Ну и как?

Спартак неопределенно пожал плечами.

– Послушай, – сказал Юра, – а почему у них флаги красные?

– Они тоже величают себя социалистами.

Юра разинул рот.

– Они что же, строят социализм?

– Ага. На костях других народов, – понизив голос, ответил Спартак. – И партия Гитлера называется Национал-социалистская немецкая рабочая партия. Рабочая, заметь. Это чтобы народ околпачивать. И ведь околпачивали, да еще как! – Он кивнул в сторону гогочущих полуголых солдат. – Ишь, как радуются. Ну, погодите, гады...

Спартак замолчал. Серые глаза его сузились. А на скулах вспухли желваки.

– Слушай, Юра, – сказал он. – Ты скажи Нине Елистратовне: мол, Спартак Никитин хочет с ней кое о чем посоветоваться.

– Когда ты зайдешь? – спросил Юра.

– Сегодня вечером, можно?

– Хорошо. Я передам.

Встречи

У Нины Елистратовны сидела ее давнишняя подруга – Анна Ивановна Переверзева. Врач родильного дома, она с самого начала войны перешла работать в госпиталь. Когда фронт стал приближаться, госпиталь эвакуировали, а Переверзева осталась: на руках у нее было двадцать тяжело раненных красноармейцев.

Едва гитлеровцы заняли Пятигорск, в госпитале появились трое пехотных офицеров. Они сунулись было в палаты, но их остановила табличка на одной из дверей: "Flecktyphus" (сыпной тиф). Офицеры сели в машину и укатили.

– Ох, Нина, не знаю, что и делать, – говорила Анна Ивановна. – Держать раненых дальше опасно. Каждую минуту может нагрянуть гестапо. Где мне их спрятать?

– Хорошо бы переправить через линию фронта.

– А одежда? А документы?

– Одежду найдем. И насчет документов тоже надо прикинуть. Да, Аня, не думали мы с тобой, не гадали, что дождемся такой беды. Надо что-то делать.

– Надо, – согласилась Анна Ивановна.

– Для начала хочу встретиться с Никитиной. Ты её знаешь?

– Жену Никитина, председателя краевой партизанской комиссии?

– Да. Думаю, у нее должны быть какие-то связи...

В коридоре послышались быстрые шаги. Нина Елистратовна умолкла. Дверь распахнулась, и вошёл Юра.

– Здравствуйте, Анна Ивановна!

– Здравствуй, Юрик. Вон ты какой вымахал. А я помню, когда тебе от роду было...

– Лет пять?

– Нет. Когда тебе было всего две минуты... Ну, Ниночка, я пошла.

– Я провожу тебя...

Когда Нина Елистратовна вернулась, Юра ходил по комнате из угла в угол. Вид у него был озабоченный.

– Ты мне хочешь что-то сказать? – спросила Нина Елистратовна.

– Понимаешь, ма... Ну, одним словом, мы с ребятами хотели бы собраться. Завтра у Лёвы Акимова день рождения. Можно у нас?

Нина Елистратовна подошла к сыну.

– У Лёвы ведь день рождения в январе, а сейчас август. Зачем ты так? Если вам надо встретиться, я не возражаю. Когда они придут?

– В пять. А сегодня к тебе собирался Спартак Никитин.

– Никитин?! – удивленно переспросила Нина Елистратовна.

– А почему это так тебя взволновало?

– Знаешь, удивительное совпадение. Мы с Анной Ивановной буквально минуту назад говорили о его матери, Екатерине Александровне.

Спартак пришел около шести. Поздоровавшись, он сказал:

– Нина Елистратовна, мне нужно поговорить с вами наедине. Юра, ты извини...

– Ладно. Я пока схожу за Игорьком. Он у Вити Громыко.

Юра вышел, осторожно притворив за собою дверь.

В глубине души он был обижен: выставили его довольно бесцеремонно.

«Ну, и пусть, – думал он. – У вас свои секреты, у нас свои».

Витя Громыко жил по соседству. Еще в раннем детстве у него стало плохо с ногами. И он ходил на костылях. Говорили, что его болезнь неизлечима. Но Витя не унывал, и товарищи любили его за ровный и веселый нрав. Приходу Юры он обрадовался:

– Ну, что нового в городе? В центре был? С ребятами виделся?

Юра рассказал все по порядку. Не утаил он и разговора на чердаке, правда, об этом пришлось рассказать на ухо, потому что рядом вертелся восьмилетний Игорёк.

– Обидно, – сказал Витя, взглянув на свои костыли.

– Да брось ты, и тебе дело найдем. У тебя, например, хороший почерк...

– Все равно обидно. Слушай, а что это за пальба была, когда немцы вошли? Говорят, наши танки стреляли?

– Не танки, а бронированный трактор с пулеметами. Его подбили и сожгли вместе с экипажем. Больше я ничего не слышал.

Когда Юра с Игорьком вернулись домой, Спартака там уже не было.

В Пятигорском гестапо

Гауптштурмфюрер СС Генрих Винц считал, что родился под счастливой звездой. Во-первых, природа создала его чистокровным арийцем – рослым, белокурым и голубоглазым. Во-вторых, она наградила его отменным здоровьем – за свои тридцать восемь лет он ни разу серьезно не болел. И, наконец, господь бог дал Генриху Винцу качества, которыми должен обладать представитель «высшей» расы: хладнокровие и трезвую расчетливость. И ещё – тонкое чутье. Генрих Винц какое-то время приглядывался к нацистам: и, приглядевшись, раз навсегда решил, что они единственная реальная сила, на которую стоит делать ставку. Он поставил и не проиграл. То же чутье подсказало Винцу, что место его в разведке. Он закончил специальную школу (русский отдел) и был направлен на дипломатическую работу в Москву. Здесь Генрих Винц продолжал упорно штудировать русский. Язык этот не из

легких – как говорит пословица, сам черт ногу сломит, – но Винц одолел его. Чутье не подвело и тут. Словно кто-то во сне подсказал ему, что скоро придет время, когда знатокам России цены не будет...

Гауптштурмфюрер взглянул на часы: без двух минут девять. В приемной уже слышалось осторожное покашливание. Винц подошел к двери:

– Прошу, господа.

В кабинет вошли офицеры: штурмбаннфюрер Пфайфер, унтерштурмфюрер Фишер и следователь СД [4] Бибуш. Все расселись за столом, покрытым зеленым сукном, и зашуршали бумагами.

– Попрошу доложить об обстановке, – заговорил Винц. – Начнем с вас, Фишер.

Фишер встал.

– Никаких контрдействий в городе за текущие сутки не зарегистрировано. Полиция расклеила необходимые приказы. На днях начнёт работу биржа труда. Из местных людей, пострадавших от Советов, создаётся городская полиция.

– Кого вы поставите во главе неё? – спросил Винц.

– Вопрос пока остается открытым. На этот счет имеются соображения у господина штурмбаннфюрера. – Фишер кивнул в сторону Пфайфера. – Можно продолжать?

– Продолжайте.

– Военная комендатура приступила к работе. Вывешен приказ о сдаче оружия, трофеев, установлен комендантский час. Идет выявление коммунистов, советских работников и их семей. У меня все.

Фишер сел.

– Что у вас, Бибуш?

– Захвачено четверо русских, но они знают не больше нашего. Думаю, возиться с ними не имеет смысла.

– Ну, что же, начало положено... Я хотел ещё спросить о здании, в котором мы расположились.

– Это бывший центр коммунистической пропаганды, господин гауптштурмфюрер! – Фишер вскочил и щелкнул каблуками. – Русские его называли дом политического просвещения.

Винц поперхнулся табачным дымом и рассмеялся:

– Барабаны судьбы! А что, помещение удобное?

– Так точно. В этом же дворе есть еще одно здание, с выходом на противоположную улицу. В подвалах будет «профилакторий». А рядом в доме мы разместили команду СС.

Винц, казалось, остался доволен.

– Все свободны, – сказал он. – А вас, Пфайфер, я попрошу задержаться.

Оставшись наедине, они немного помолчали. Потом Винц спросил:

– Так вы полностью доверяете этому Колесникову?

Пфайфер пожал плечами:

– Он спас мне жизнь, хотя совсем не был убеждён, что я выполню свои обещания. Он рисковал...

– Я разведчик, Роберт, – перебил его Винц. – Случай, можно сказать, из ряда вон выходящий. Командир батареи с двумя захваченными в плен немцами бежит в Пятигорск. Хм... В Чека у них работают тоже не дураки.

– Откуда чекистам знать, что некий штурмбаннфюрер Пфайфер по собственной глупости попадет в плен русским?

– Вы правы, Роберт, – согласился Винц, – и всё же. И все же, как говорят русские, береженого бог бережет. О, мне хотелось бы побеседовать с ним. Я, знаете ли, немного психолог и физиономист.

– Он здесь. Позвать?

Через минуту Пфайфер вернулся с коренастым молодым человеком. Винц поднялся и протянул ему руку.

– Слышал о вас. Рад познакомиться. – Он жестом показал на стул и сел сам. – Можно задать вам несколько вопросов?

– Пожалуйста. – Синие, слегка навывкате глаза Колесникова смотрели на Винца.

– Скажите, почему вы перешли на нашу сторону?

– Хотел выжить.

– Любой ценой?

– Как говорится, шкура не шуба – другой не сошьёшь. Вы победили. Что ж, победителей не судят.

– Им служат, не так ли? – подсказал Винц.

– Я согласен служить.

Колесников смотрел на Винца открыто, даже немного нагло, и это убедило гауптштурмфюрера. Ведь он говорит просто и ясно: да, я шкурник. Нуждаетесь во мне? Берите таким, каков я есть.

– Я оставляю вас при себе, – удовлетворенно сказал Винц, протягивая Колесникову пачку сигарет. – При оперативной команде СД-12 создается русское гестапо – полиция безопасности. Вы возглавите третий отдел – оперативный.

Когда Колесников вышел, Винц сказал Пфайферу:

– Этот далеко пойдет. Поверьте моему чутью [5]...

«День рождения» и первые листовки

Пластинка была заигранной и поэтому все время «буксовала» на одном и том же месте.

Люба-Любушка, Любушка-голубушка,

Я тебя не в силах позабыть,

Люба-Любушка, Любушка-голубушка...

Ребята, девять человек, сидели за столом и молча пили чай. Кроме тех, кто был и вчера на чердаке, пришли еще соседи Мурата: Вася Лисичкин, Витя Колотилин, Юра Качерьянц и Витя Громыко.

Дверь открылась, и в комнату вошла Нина Елистратовна.

– Не помешаю вам, ребята? Вижу, день рождения у вас не получился. Юра, сними пластинку. Давайте лучше поговорим.

Нина Елистратовна села за стол и посмотрела на ребят. Она знала их едва ли не с пеленок. Лёва Акимов – огненно-рыжий, с щедрой россыпью веснушек на лице. Он сдержан и чуточку угрюм. На первый взгляд тугодум, но это не так, просто привык взвешивать свои слова и никогда не спешит с выводами.

Витя Дурнев – горяч, задирист, любит атаманствовать, но ребята, к его великому огорчению, предпочитают слушаться Лёву. Одно его слово для них закон.

Эдик Попов. Решителен и смел до отчаянности. Способный лодырь в классе и организатор всяких походов, вплоть до набегов на чужие сады и огороды.

Юра, её сын. Вот он сидит перед нею, белобрысый, глазастый книжник, физически самый слабый из всех своих друзей. Однако это ни разу не помешало ему участвовать

в рукопашных схватках, когда мальчишки удалства ради сходились «улица на улицу».

Мурат Темирбеков. По характеру похож на Дурнева, такой же забияка и непоседа. Подчиняется только Лёве Акимову, да и то, если с ним согласен Эдик. Эдик для Мурата – образец отваги и мужества.

– Я знаю вас всех, мальчишки, – начала Нина Елистратовна. – Все вы комсомольцы и пионеры, отцы ваши воюют. Вы тоже помогали Красной Армии как умели. Но теперь в нашем городе враг, и каждый из вас может многое сделать для своего города.

Нина Елистратовна говорила спокойно, и её сдержанность передавалась ребятам.

Для начала было решено достать одежду раненым и вывести их поодиночке из города. Написать и распространить первые листовки. Добывать оружие где только можно – пригодится для партизан; срывать со стен приказы и газетенки оккупантов.

– Помните только одно, – тихо сказала Нина Елистратовна, – враг умен и хитёр. Нужна осторожность и еще раз осторожность. Погибнуть легче, чем выжить и помочь своему народу. Без совета со мной ничего не предпринимать. И ещё: все вместе мы собрались в первый и последний раз. Избегайте встреч и разговоров на улице. Хорошо бы нам подыскать ещё одну квартиру...

Мурат Темирбеков, как в классе, поднял руку:

– Нина Елистратовна, есть у меня хороший знакомый. Володя Рыжков. Живет совсем один, на Октябрьской.

– Почему один?

– Он жил вместе со старшей сестрой, она с семьей эвакуировалась, а Володя не захотел уезжать. Мы тогда с ним вместе окопы рыли. Ну, он и говорит мне: «Чего мы драпать будем? Нам и здесь дело найдётся. Может, немцев ещё не пустят в Пятигорск». Парень он что надо. И вдобавок весёлый – недаром его Артистом прозвали.

– Я его тоже знаю, – вставил Качерьянц, смуглый молчаливый юноша лет семнадцати. – Он на мотороремонтном работал.

Нина Елистратовна повернулась к нему:

– Слушайте, Юра. Мне сын говорил, что вы можете собрать приемник.

– Могу. – Качерьянц улыбнулся, тряхнув смоляным чубом. – Дня за три сделаю. Куда принести?

– Об этом вам скажет Эдик... А теперь, ребята, приступим к делу. – Нина Елистратовна принесла стопку чистых ученических тетрадок, копирки и карандаши. – Пишите крупно, без ошибок и обязательно печатными буквами.

У базарного навеса густо толпился народ. На фанерном щите поверх приказа городского управления полиции были наклеены две тетрадные странички. На одной из них было написано:

«Дорогие товарищи!

Не верьте фашистским гадам! Немцы получают здоровые оплеухи от Красной Армии. Пятигорск скоро снова станет советским. Вражеская пропаганда лжёт. Победа будет за нами!»

На другой красовалась внушительная фигура под носом у Гитлера, а ниже шли стихи:

– Рады фрицы, Гитлер рад –

Дорвались до Кавказа.

Но не взять вам Сталинград,

Там вы сгините, заразы! –

Вокруг листовки толпились люди. Они старались спрятать улыбки.

– А ну р-разойдись, – раздался вдруг зычный голос, и сквозь толпу протиснулся мордастый парень. На нём был австрийский френч, на бритой голове чудом сидела маленькая пилотка с орлом, державшим в лапах свастику.

Люди стали расходиться, тихонько переговариваясь:

– Кто этот бритый?

– Волобуев, из Железноводска.

– Говорят, он вчера шестерых наших пленных расстрелял.

– И не боится, скотина. Ишь, орла нацепил. И пилотку-то, наверно, с мёртвого снял.

– Ты потише, язык-то не распускай. Не ровен час...

– Наплевать. А Гитлер-то как вылитый – и фига под носом. На-кася выкуси.

Эти разговоры слышал Эдик Попов, и на сердце у него было радостно. В разных концах города люди читают листовки и разглядывают карикатуру. Нарисовал ее Витька Колотилин, а стихи сочиняли все вместе.

Эдик пересек базарную площадь и вошел в часовую мастерскую, где учеником работал Качерьянц. Но Юры на месте не оказалось.

– Пошёл чего-нибудь из еды добыть, – сказал мастер, хмурый старичок с вислыми запорожскими усами.

Качерьянца Эдик нашёл у одной из лоточниц, торговавших капустными пирогами, ватрушками, коржиками. В ходу уже были оккупационные марки, но и советские деньги принимались десять рублей за марку. Юра торговался с бабой в засаленном сарафане.

– Пovyползали живоглоты, – сказал он подошедшему Эдику. – Как мокрицы в сырость. А ты с чем пожаловал?

– Нина Елистратовна велела спросить...

– Помню. Вечером зайдёшь ко мне. Я кончаю в шесть.

– Неужто сделал?

– Да вроде работает. А куда мы его?

– К Артисту. С ним уже говорили. Он знаешь как обрадовался, – один-то и у каши загинешь, а все вместе мы сила. Ну, мне пора.

Эдик в самом деле спешил. Ему нужно было забежать в госпиталь и передать главврачу Переверзевой узел с одеждой. Кроме того, Нина Елистратовна разрешила рассказать Анне Ивановне о лейтенанте Маркове. Правая нога у лейтенанта сильно распухла, и дело могло обернуться заражением крови.

В пещере у Маркова

Анна Ивановна и Эдик шли по притихшему Пятигорску к Подкумку. На окраинной улочке их остановил патруль – двое немецких солдат, одетых в обычную общевойсковую форму. Но на рукавах у них были нашиты коричневые ленты с буквами "FP", а на груди на металлических цепочках висели бляхи в виде полумесяца с личными номерами. "FP" означало "Feldpolizei" – полевая полиция.

– Ausweis [6]! – протянул руку один из жандармов. Анна Ивановна подала ему свой паспорт. Солдат внимательно посмотрел на фотографию, потом ткнул пальцем в Эдика. – Und dieser Kerl [7]?

– Er ist mein Sohn. – Анна Ивановна подыскивала в памяти немецкие слова. – Wir gehen zu meiner Schwester. Sie wohnt im Dorf. Sie ist krank [8].

Жандарм молча заглянул к ней в сумку, но, кроме полотенца и каких-то таблеток, ничего не увидел.

Патруль ушел.

– Ф-фу, как я напугалась. Боялась, тебя обыскивать станут.

– Не докумекали. А то бы крышка.

За голенищами сапог у него были спрятаны бинты, хирургические щипцы и скальпель.

Полчаса спустя они уже пробирались по старой мозолистой тропке сквозь заросли желтой акации и орешника.

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят, –
запел вдруг Эдик.

– Ты что, с ума сошёл? – дернула его за рукав Анна Ивановна.

– Это сигнал. Вы меня у входа подождите...

У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят!

Узкая расщелина, ведущая в пещеру, была почти незаметна. Эдик бесшумно проскользнул в неё и оторопел: Марков был не один. Рядом с ним на плащ-палатке сидел какой-то человек. При тусклом свете коптилки Эдик не смог его рассмотреть.

– Не бойся, – сказал Марков, – это свой. Вы ведь знакомы?

– Немного. – Только сейчас Эдик узнал Спартак, лучшего спортсмена с мотороремонтного завода. В прошлом году Спартак приходил к ним в школу на вечер дружбы. – Ты как сюда попал?

– Так же, как и ты.

– Тебе пароль Нина Елистратовна сказала?

Эдик был немного обижен. Тайка, которую они с Витькой не доверили даже самым близким друзьям, стала известна постороннему человеку. А может, не постороннему: не станет же Нина Елистратовна посылать к лейтенанту кого попало. Помолчав, Эдик сказал:

– Я привёл врача.

Марков не удивился: видимо, его уже предупредил Спартак.

– Вот и славно. Только здесь темновато. Помогите-ка мне лучше выбраться наружу.

При дневном свете кожа на лице лейтенанта казалась голубой. Щёки ввалились и заросли густой русой щетиной.

– А я почему-то представлял вас старой дамой и в очках, – сказал Марков, здороваясь с Анной Ивановной. – Ей-богу.

Маркова уложили на плащ-палатку. Эдик достал свёрток с инструментами, и Анна Ивановна стала протирать их спиртом.

– Вы пока погуляйте, – сказала она ребятам.

Они спустились вниз по тропинке и сели на поваленное дерево. Стояла такая тишина, что слышно было, как падают первые осенние листья.

– Будто и войны нет, – задумчиво сказал Спартак.

Сверху донесся негромкий голос Анны Ивановны:

– Рана запущенная, но ничего... Так, выходного отверстия нет. Это хуже. Придётся потерпеть. Анестезию я вам сделать не могу – нечем.

– Я потерплю. Видно, на излете угодила.

– Потерпите, голубчик. Вот так... Ага, вот она где, в мякоти засела. Сейчас, сейчас мы её. Натё, держите на память.

– Спасибо, доктор.

– Не за что, лейтенант. А я к вам ещё наведаюсь.

Когда ребята вернулись к пещере, Марков уже сидел с забинтованной ногой и болезненно улыбался.

– Мне надо идти, – сказала Анна Ивановна Эдику. – Ты не провожай.

– Я Нине Елистратовне обещал доставить вас туда и обратно. До свиданья, товарищ лейтенант.

– Спасибо, Эдик. Уж не знаю, как вас и благодарить. Из-за меня ведь рискуете.

– Ничего, перезимуем, – отмахнулся Эдик. – Пока.

– погоди. – Спартак полез за пазуху и достал толстый пакет. – Это листовки. Обращение крайкома партии.

– Откуда?!

– Наши с самолёта сбросили. Бери. Расклейте в людных местах, только осторожно. И без лихачества. А то прошлый раз знаете, что они учудили? – Спартак повернулся к Маркову. – На дверях немецкой казармы свои самоделки расклеили. Спрашивается, зачем?

Марков, нахмурившись, покачал головой.

– Ребячество, – сказал он. – Эдик, передай Нине Елистратовне, чтобы она строжайше запретила подобные выходки. Это не смелость, а глупость. Понял?

– Понял, – буркнул Эдик, радуясь, что в пещере полутемно и не видно, как краска заливает ему лицо. Листовку на дверь казармы приклеил он.

Когда Анна Ивановна с Эдиком ушли, Марков сказал:

– Ну что ж, продолжим разговор. Кто эта Полина?

– Жена парторга колхоза имени Тельмана, Лисоволова её фамилия. Папа до войны был хорошо знаком с её мужем. Да и мама говорит, что Полина Федоровна наш человек.

– Значит, партизаны к ней заглядывают?

– Бывает. Они хотят наладить связь с городским подпольем.

– Каким образом?

– Пришлют в Пятигорск своих людей. Полина Федоровна предлагает временно поселить их у своих родственников, Корабельниковых. Митя Корабельников дружит с нашими ребятами.

– Ты поговори с ним, Спартак. Остальных ребят не посвящай. Если связники придут, пусть знает о них один Митя. А дальше поглядим. Возможно, с ними придется встретиться Нине Елистратовне или твоей матери. Кланяйся им обеим. – Марков протянул Спартаку руку: – Ну, а теперь ступай.

ИЗ БЕСЕДЫ П. И. ДЕНЬГУБОВА С УЧАСТНИКОМ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДМИТРИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ КОРАБЕЛЬНИКОВЫМ

«В 1942 году мне было 14 лет. Мать умерла, отец ушел на фронт, и жил я с бабушкой. Друзьями моими были: Дурнев Виктор (мы звали его «Шагораш»), Виктор Колотилин, Вася Лисичкин (Лиса), Бондаревский Юра, Попов Эдик – учились в 17-й школе, где сейчас Дом пионеров. Да, и ещё парень по кличке Артист. Все они были ребята боевые, как говорится, сорвиголовы. Особо дружил я с Бондаревским, Дурневым и Лисичкиным.

После ухода наших войск в доме моей двоюродной сестры Полины, проживавшей тогда на хуторе имени Тельмана в восемнадцати километрах от Пятигорска, появился знакомый участковый уполномоченный. Он когда-то работал вместе с дядей Ваней, мужем Полины, а теперь был в партизанах.

В середине августа я приехал к ней на велосипеде за продуктами. Полина познакомила меня с двумя мужчинами. Фамилий их она не знала, одного звали Фёдором, а другого Анатолием. «Их надо

переправить в город, – сказала Полина, – заведи их с собой, пусть они некоторое время поживут у бабушки».

Пошли мы с ними глухой дорогой, через мясокомбинат, мимо соленых озер. Я сказал бабушке, что этих двух товарищей просила приютить тетя Поля, последнюю она очень уважала».

В городе

– Эх, ложка узка – берёт два куска, развести б пошире, чтоб брала четыре, – пошутил Анатолий, вылезая из-за стола. – Спасибо, Агафья Никитична. Давненько я так не едал. Вот если б ещё закурить, то и помирать не страшно.

– А чего помирать, – откликнулась старуха. – Сейчас пошарю.

Она сходила в горницу и принесла пачку «Беломора».

– Вот, от Митинога отца еще остались. Кури, сынок, хоть мужиком в доме запахнет, а то дух-то стал вовсе нежилой. И все эта война проклятушая. Ты сам-то откуда?

В разговоре она обращалась к одному Анатолию, а перед Фёдором, видимо, робела: он был не по годам серьёзен и неразговорчив.

– Да мы, бабуся, здешние, из Ставрополя.

– Я не про то, – сказала старуха. – Идешь-то откуда?

– Из окружения.

– На окруженца ты не больно похож. Ишь, одёжка-то на тебе будто из магазина. Ну да дело не моё.

– Правильно, бабуся: меньше знаешь, крепче спишь.

– Я вам в горнице постелила, – сказала Агафья Никитична.

– Это нам в самый раз, подушку под ушко – и прощай заботы.

Митя спал как убитый. Разбудил его Анатолий. Лицо у него было свежее и румяное, в белокурых волосах блестели капельки воды.

– Па-адъём, – сказал он и, приставив к губам ладони, «сыграл» побудку.

– Дядя Федя где? – спросил Митя.

– Фёдор наш – ранняя пташка, его уже и след простыл.

– Куда он пошёл? Он же не знает города.

– Авось не заблудится, – уклончиво ответил Анатолий.

Наскоро перекусив, Митя и Анатолий тоже отправились в город. Шли не торопясь. Анатолий с безразличным видом поглядывал по сторонам и чуть шурился, когда ему на глаза попадались вывески немецких учреждений. Мимо дома 19 по Университетской они прошли несколько раз. В доме разместились городская полиция.

– Слушай, – вдруг сказал Анатолий, – у тебя есть друзья?

– Конечно.

– А такие? – Анатолий показал большой палец. – Я имею в виду – настоящие.

– Есть и такие. – Митя сразу подумал о Бондаревском и Дурневе, но, помня наказ Спартака не называть никаких имён, промолчал.

– Мне не нужно знать, кто они, – словно угадав Митины мысли, продолжал Анатолий, – но ты им только передай, что они могут здорово помочь...

– А чем?

– Да как тебе сказать. Видишь, сколько везде легковушек? И все без охраны. Немцы пока еще ведут себя беспечно: в машинах оружие и, главное, документы, а на бортах грузовиков и бронетранспортеров эмблемы всякие и номера. Что, скажем, означает белый круг, перечеркнутый желтым крестом? Или скрещенные шпаги? Или бурый медведь, или слон? Для нас с тобой темный лес, а для людей, знающих наименования воинских частей и подразделений, это, брат, сведения о передвижениях вражеских войск, и сведения очень важные, я бы сказал, стратегического порядка. Понял?

– Чего ж тут не понять, – отозвался Митя.

– Только ты учти: действовать в одиночку нельзя. В крайнем случае, вдвоём, с подстраховкой, и лучше выбирать раннее утро или сумерки. Теперь темнеть начинает еще до комендантского часа. Ну а если... – Анатолий смущенно покашлял, – если кто, не дай бог, попадётся, то стоять должен на одном: дескать, хотел украсть что-нибудь из еды, голод-то не тётка, пирожка не подаст. И в слёзы: больше, дяденька, не буду, нужда заставила.

С Ниной Елистратовной Спартак встретился в условленном месте – в кинотеатре «Глория». Шел германский фильм «Ева». Сюжет его был слащав до тошноты. Молодой фабрикант как рабочий трудится на собственном предприятии и влюбляется в красивую девушку из бедной семьи. Любовь, естественно, кончается счастливым браком.

Спартак и Нина Елистратовна смотрели на экран, но слушали только друг друга.

– Я принес чистые бланки документов. Держите, – прошептал Спартак.

– Ты молодец. У меня камень с души свалился: теперь начнем переправлять людей к Маркову...

– Пришли связные из отряда, живут у Мити Корабельникова.

– Боюсь провокации...

– По маминым сведениям, исключено. Но на всякий случай она сначала встретится с ними сама.

– Ладно. Теперь вот что: листовки, которые ты передал, сегодня же пустим в дело. И второе: начала работать биржа. Завтра идём туда и поступаем на мотороремонтный. Не спорь. Так надо. Там мы найдем нужных людей. На бирже ко мне не подходи. На заводе тоже: мы с тобой не знакомы.

– Ясно. А что с приемником?

– Приёмник уже у Артиста.

Они договорились о новой встрече и разошлись.

«Почему они на свободе?»

Эти листовки горожане находили в почтовых ящиках, в дверных ручках. Они белели на заборах и афишных тумбах, их передавали из рук в руки.

Начальнику «русского» гестапо Колесникову листовку чуть свет принёс Рахим Махмудов. Жили они в соседних домах.

Спросонья Колесников не понял, чего от него хочет Рахим.

– Ну, что вы суёте мне под нос эту бумагу? Ну, листовка, дальше что?

– Александр Акимович, это не самодеятельность, это типографская работа.

– Где вы её достали?

– В вашем парадном, на двери висела.

Колесников пробежал глазами листовку и нахмурился.

– Так, – сказал он. – Подарочек. Вот что, немедленно свяжитесь с городской полицией. Пусть все наличные силы перебросят в город. И в первую очередь туда, где много народу. Всех подозрительных и болтунов брать. Полицейским переодеться в гражданское. Ступайте. Я буду в гестапо!

– Слушаюсь! – Рахим неуклюже повернулся и вышел.

Колесников стал одеваться.

«Действительно, подарочек, – раздраженно думал он. – Этот орангутанг ещё, чего доброго, наябедничает Винцу, что нашёл листовку на моих дверях».

Колесников терпеть не мог своего помощника и про себя звал его орангутангом, что весьма соответствовало истине. У Рахима руки были невероятной длины и походка обезьянья. Но не только внешность вызывала в Колесникове неприязнь к этому человеку. Начальник «русского» гестапо боялся своего подручного. Рахим отлично владел немецким, и часто Колесников оказывался в дурацком положении, когда Рахим и Винц в его присутствии начинали говорить по-немецки. Про что говорят – чёрт их знает, может, о нём?!

На улице Колесников столкнулся с женой Рахима. На ней было жёлтое платье, усыпанное мелкими коричневыми свастиками.

– Гутен таг, господин начальник, – пропела она, пристраиваясь к шагу Колесникова. – Что же это творится в городе? Эти типы совсем обнаглели.

– Вы про что?

– Да про листовки.

«Вот скотина, уже протрепался, – подумал Колесников о Рахиме. – А она теперь всему свету развонит». Махмудова работала машинисткой в городской полиции. Там через каких-то десять минут в адрес Колесникова посыплются ехидные шуточки.

– Извините, мне направо, – сказал он и свернул в ближайший переулок, чтобы отделаться от неё.

Сделав ненужный крюк, он вышел к зданию гестапо.

Несмотря на ранний час, в кабинете Винца уже сидели Фишер и Бибуш.

– А, это вы! – сухо сказал Винц, не подавая Колесникову руки. – С чем пожаловали?

Колесников молча положил перед гауптштурм-фюрером листовку. Винц прочитал её и покачал головой.

– Рас-чудесно, – медленно произнёс он, поднимая на Колесникова взгляд льдисто-голубых глаз. – У меня для вас тоже есть сюрприз. Полюбуйтесь. – Колесников взял в руки тетрадную страничку. – Что это, по-вашему?

– Листовка.

– А я думал, праздничное поздравление, – съязвил Винц. – Вы знаете, кто их распространяет? И где эти люди? Почему они на свободе?

– Скорей всего листовки сбрасывают с самолётов, – неуверенно сказал Колесников.

– А расклеивают их тоже самолёты? – Винц порылся в столе и достал ещё какой-то листок. – Смотрите. Этот плакат с фигой тоже работа красных лётчиков? Листовку писали дети. Понимаете, это детский почерк. Немедленно найти этих змеёнышей. В конце концов, кто у нас в городе начальник оперативного отдела? Вы или не вы?

– Я полагал, что для расследования подобных дел существует политическая полиция ка Университетской, девятнадцать, – возразил Колесников. – Моя задача – выявление подозрительных людей.

– Узко мыслите, – заметил Винц. – Вы должны работать рука об руку с политической полицией. Задача у нас общая: установить незыблемый новый порядок. Отныне и присно и во веки веков! Вам дана власть, так пользуйтесь этой властью!

– Я уже отдал приказ произвести аресты.

– Весьма разумно и своевременно. Должен только предупредить: дело нужно поставить на широкую ногу. Даже если из ста задержанных виновным окажется только один, вас это не должно, волновать. Зато у меня не будет безработных. – Винц кивнул в сторону Фишера и следователя Бибуша.

Колесников замаялся:

– Да... но... если нам потом придётся выпускать невиновных, по городу поползут нежелательные слухи.

– А кто вам сказал, что мы их выпустим? Чем меньше живых свидетелей, тем лучше. Вы думаете, Германия от этого останется внакладе? Отнюдь.

–хлопотно, знаете, – поёжился Колесников.

– Особых хлопот не будет. Через два-три дня в город придут специальные машины. Я просил об этом лично господина штурмбаннфюрера Негеле.

– Что это за машины?

– Увидите. Наши солдаты прозвали их «Bäckereien» – «пекарни». – Винц поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Новые встречи

В квартире Володи Рыжкова на Октябрьской сидели за столом четверо: Качерьянц, Спартак Никитин, Мурат Темирбеков и сам хозяин. Окна были глухо зашторены. На столе горела стеариновая свеча, слабо освещая радиоприемник, листы бумаги и карандаши, приготовленные для записи сводки.

Ждали половины двенадцатого. С первых дней войны в это время Москва передавала сводку Совинформбюро.

Качерьянц взглянул на часы и подключил к приемнику питание. Робко заалела нить накаливания в лампочке. Лицо у Юрия стало напряжённым, как у слепого. В приёмнике сначала послышалось попискивание, затем какое-то бульканье, перешедшее в пронзительный свист. И наконец раздались знакомые слова:

– Говорит Москва. От Советского Информбюро...

– Записывайте, – сказал Качерьянц. – «В течение 13 августа... В районе северовосточнее Котельникова продолжались упорные бои. Огневymi налётами нашей артиллерии на одном из участков уничтожено до 100 немецких танков, 35 бронемашин, 350 автомашин и до 600 солдат и офицеров противника... На северозападном фронте наши части в течение двух дней боевых действий уничтожили более 3000 солдат и офицеров противника... В районе Краснодара наши войска вели напряженные оборонительные бои...»

Сводка была тревожной. Враг всё ещё продолжал наступать на многих участках фронта, но по всему чувствовалось, что его великолепно отлаженная военная машина начинает давать перебои.

Ребята по слухам знали, какой ценой достаётся гитлеровцам каждая пядь советской земли. Неведомыми путями в Пятигорск просачивались рассказы о жестоких беспрерывных боях на кавказских перевалах, куда немецкое командование направило отборные горноегерские дивизии. Перед ними стояла одна задача – прорваться к нефтяным промыслам.

Гитлер бросал в бой всё новые и новые части, прошедшие специальную подготовку в Гарце и Австрийских Альпах. И каждый раз безуспешно. Тысячи гитлеровских солдат остались навсегда на ледяных кручах Кавказа.

На второй день оккупации в доме Никитиных поселились немцы, и Екатерина Александровна с сыном перебрались на Университетскую, в тесную комнатку с одним-единственным окном, глядевшим во двор. Здесь, по крайней мере, можно было не видеть всякий час постояльцев, не стирать их бельё и не мыть полы.

Сегодня Никитина ждала гостью. Спартак предупредил, что к ним после смены зайдёт Нина Елистратовна. К её приходу Никитина вскипятила на керосинке чай,

достала алычовое варенье, ещё из довоенных запасов. Кроме варенья и каменной крепости сухарей, в доме ничего не было.

Бондаревская пришла около шести. Раньше женщины не были знакомы, хотя и знали друг друга в лицо.

– Вы так нам помогли, – сказала за чаем Нина Елистратовна. – Просто не знаю, как вас и благодарить. Пятерых мы уже переправили, Документы оказались в полном порядке.

– Меня не за что благодарить. Это вам спасибо. И за сына, и за других ребят. За то, что поддерживаете в них веру в победу. Ведь у них у всех отцы на фронте! И сыновья воюют тоже. Страшно за них, сердце всё время будто в тисках. Проснусь другой раз ночью и думаю, думаю. Дети ведь, ничегошеньки ещё не видели. – Никитина прикрыла глаза рукой. Пальцы её вздрагивали.

– Не надо, – тихо попросила Нина Елистратовна. – Они бы тогда перестали нас уважать. Я счастлива, что у нас такие сыновья.

Прощаясь, они условились о новой встрече.

Проводив Нину Елистратовну до порога, Никитина сказала:

– На днях я встречусь с Фёдором. Если это тот человек, которого я знаю по рассказам мужа, то всё будет в порядке.

– А стоит ли рисковать?

– Стоит. Пам позарез нужна связь с партизанами. Я приму все меры предосторожности, в капкан не полезу.

– Ну, желаю удачи.

Планшет жёлтой кожи

Вернувшись домой, Нина Елистратовна узнала, что Юрий вместе с Муратом и Лёвой Акимовым отправились в город. Сын оставил на столе записку, она кончалась словами: «С охоты придем поздно. Не волнуйся».

Легко сказать, не волнуйся, когда скоро восемь, а с восьми комендантский час.

Но она нервничала напрасно. Сын вернулся вовремя – перемазанный с головы до пят, измученный, но с сияющими глазами. Первым делом он выставил в соседнюю комнату брата, закрыл за ним дверь и вдобавок прислонил к ней стул.

– Ну, мама, можешь нас поздравить. – Юра полез под куртку и вытащил офицерский жёлтой кожи планшет, туго набитый бумагами. – Часа три караулили. Они подъехали к кабаре у Цветника и пошли обедать. Двое офицеров в чёрной форме, погоны серебряные. Шофёр остался в машине. Машина открытая – «мерседес-бенц». А мы видим, что они пошли пустые – ни планшета, ни портфеля. Ну, думаем, теперь только не зевать. Лишь бы шофёр хоть на минутку отлучился. А он, паразит, достал какую-то книжку, уткнулся в неё – и ни с места. В Цветнике народу никого, самый подходящий момент. И машина стоит впритык к тротуару – из кабаре её не видно. Короче, немцу нашему, видно, приспичило, и только он в двери кабаре – я к машине. Схватил планшет с заднего сиденья – и дёру! Вот шуму-то у них будет! – Юра весело рассмеялся.

– Иди умойся и садись ужинать. Вы молодцы, ребята!

Нина Елистратовна развернула планшет и стала доставать из него бумаги, написанные на машинке, с грифами и печатями, чистые бланки, увенчанные германским орлом, карту с пометками. На некоторых документах стояло: "Streng geheim" («Совершенно секретно»).

Эти бумаги жгли руки, хотелось немедленно проникнуть в их смысл, скрытый за колючим готическим шрифтом. Но Нина Елистратовна разбирала немецкий с пятого на десятое и сейчас ругала себя последними словами, что и в школе и в пединституте относилась к нему равнодушно – лишь бы «спихнуть зачёты».

Юра, вернувшись из кухни, жадно набросился на борщ, в котором плавали одинокие кружки конской колбасы.

Даже если бы у Нины Елистратовны и были деньги, то на них всё равно ничего не купишь. Цены на базаре фантастические: килограмм хлеба стоит 250 рублей, масла – 6 тысяч, сала – 7 тысяч, стакан соли – 200 рублей. А рабочие на мотороремонтном получают всего пятьсот да по карточкам килограмм хлеба в неделю. (Его выпекали из эрзац-муки.)

Таков был «новый порядок», установленный фашистами. В поддержку его комендатура вывесила приказ: «Все трудоспособные жители Пятигорска в возрасте от 16 до 55 лет обязаны трудиться. В случаях самовольного выезда из города, а также неявки по повесткам биржи труда в течение 7 дней виновные привлекаются к ответственности как за саботаж, а имущество их конфискуется».

Взрыв на улице Власова

Эти машины – порождение злобного людоедского ума – появились на улицах Пятигорска 15 августа. Их было две, и прибыли они из Ставрополя. Там 10 августа фашисты умертвили в этих машинах 660 больных, лежавших в краевой клинике.

«Газваген» называли их гитлеровцы, душегубками – русские.

Уже несколько дней по приказу Винца в городе проводились «акции» – повальные обыски, облавы и аресты. «Профилакторий» во дворе гестапо и подвалы бывшей армянской церкви были набиты битком. Людей хватили дома и на улицах: за каждое неосторожно сказанное слово, по малейшему подозрению и просто потому, что лицо человека не понравилось фельдандарму или полицаю.

Начальник «русского» гестапо Колесников хорошо запомнил слова своего шефа: «А кто вам сказал, что невиновных следует освобождать?» Того же мнения был и Рахим. Тихий, вежливый, на улице он со всеми здоровался первым и угощал детишек конфетками, которые постоянно таскал в карманах. И только Колесников да немцы знали, как он зверствовал, допрашивая арестованных. Лишь один Фишер не уступал ему в жестокости и изощренности пыток. Фишеру и Рахиму обычно помогал Волобуев. Этого полицаю чаще всего видели горожане, когда он выволакивал из подвала изувеченных, полураздетых людей и дубинкой загонял их в кузов поджидавшей машины. Набив её до отказа и захлопнув дверь, Волобуев лез осматривать низ кузова. Потом немец шофер включал мотор. Мотор сильно гудел, но он не мог заглушить истошных криков, доносившихся из душегубки. Волобуев на полную громкость включал старый граммофон, стоявший тут же на ящичке из-под консервов, и труба начинала реветь сотней здоровых мужских глоток. Пластинка была всегда одна и та же: марш фашистской молодёжи.

Вскоре в кузове все стихало, и машина увозила свои жертвы за город, в сторону Провала. Душегубки работали в строго определённые часы – перед закатом солнца. Так что установить время их возвращения в город было нетрудно. И ездили они всегда одной и той же дорогой – по улице Власова, куда выходили вторые ворота гестапо...

С тех пор как прибыли машины, ребята ломали голову: каким образом уничтожить их или хотя бы вывести из строя? Помог случай. Однажды Юра Бондаревский, Витька

Дурнев и Колотилин забрались в немецкий грузовик и притащили три круглые болотного цвета коробки.

– Наверно, с патронами, – решил Дурнев, но Юра остановил его:

– Ты не спеши. А вдруг станем ковыряться и взлетим вместе с домом. Давай покажем их Качерьянцу. Он в технике побольше нашего соображает.

И Юрина осторожность спасла ребятам жизнь. Когда Качерьянец пришёл на чердак и взглянул на «коробки», он ахнул:

– Противотанковые мины?!

Витька Дурнев побледнел.

– Вот так-то, Шагораш, торопыга! – сказал ему Бондаревский. «Шагорашем» друзья прозвали его не зря. Витька смерть как не любил долго раздумывать. Всегдашней его присказкой была военная команда: «Шагом арш», «Шагораш!», и никаких гвоздей!

– А ты знаешь, как управляться с этими штуками? – спросил Качерьянца Колотилин.

– В военном кружке проходили. И мины, и оружие, и радиодело. А что вы, собственно, задумали?

– Взорвём душегубки! – И Бондаревский рассказал, что известны время и обратный маршрут «газвагенов».

Сделав свое страшное дело, машины возвращались обычно в сумерках, после комендантского часа. Это облегчало задачу. Во всяком случае, лишних глаз не будет, хотя в любой миг можно нарваться на автоматную очередь патруля. Но, как говорят, волков бояться, в лес не ходить.

О предстоящей операции Юра предупредил мать.

– Я пойду тоже, – сказала она.

Дозорные посты они распределили заранее. Место для взрыва выбрали поглуше, поближе к переулкам, где на худой конец можно будет укрыться. Закладывать мины было поручено двум Юрам – Качерьянцу и Бондаревскому. На случай опасности оба они были вооружены пистолетами. И ещё у Качерьянца в кармане лежала немецкая граната с длинной деревянной ручкой.

В назначенное время все разошлись по своим местам. Наступал комендантский час, и всюду было безлюдно. Даже собаки, которых не успели ещё пристрелить фашисты, не подавали голоса, словно знали, чем это им грозит.

Улица Власова была тут немощёной, и это облегчало дело. Работая саперной лопатой, Бондаревский выкопал три ямки – две в полутора метрах друг от друга и одну позади.

– Они обычно едут впритык, – объяснил он Качерьянцу. – Затормозить не успеют.

– Ну, кажется, порядок, – сказал наконец Качерьянец, уложив мины и присыпав их землей. – А теперь давай бог ноги...

Ребятам до смерти хотелось своими глазами увидеть, как взлетят на воздух ненавистные машины, но Нина Елистратовна твердо сказала:

– Это ненужный риск. Будет облава. Все переночуете у нас...

Сидя у Бондаревских, ребята напряжённо вслушивались в вязкую тишину. Но слышно было только, как скрипит под окном старая акация.

И вдруг эту могильную немоту раскололи приглушённые расстоянием взрывы. Потом под окнами послышались треск мотоциклов и возбуждённая немецкая речь.

А город молчал, словно все дома вымерли.

Наутро улица Власова была оцеплена, на перекрёстках стояли фанерные щиты: «Проход воспрещён», «Ремонт дороги и канализации».

Жители, прочитав объявление, поворачивали назад, с трудом скрывая злорадные ухмылки.

– Это для дураков ремонт, – говорили потихоньку в городе. – Канализация! Хороша канализация, когда на Власовской все стекла повывлетели.

Так закончили свое существование «газвагены». Полицай Волобуев перестал заводить пластинку со своим любимым гимном, но он ждал часа, когда вновь сможет истязать беззащитных людей и загонять их дубинкой в душегубку. А через несколько дней дождался своего смертного часа.

На барахолке

Через Диму Корабельникова Никитина договорилась о встрече с Фёдором на барахолке. Ровно в полдень она с хозяйственной сумкой в руке пришла на место. Народу было много. Да и немудрено: жизнь с каждым днем дорожала, и люди в обмен на продукты несли всё, что представляло хоть какую-то ценность. Обменивали на кусок хлеба костюмы и платья, отрезки и зеркала, патефоны и ботинки.

Тут же прохаживался Волобуев. За плечом у него висела русская винтовка-трехлинейка.

Наконец Никитина увидела Фёдора. Черноволосый, плотный, среднего роста, с ямочкой на подбородке – так описал муж этого человека, когда уходил из города.

Никитина подошла к нему и негромко спросила:

– Курева не желаете, гражданин?

Фёдор внимательно посмотрел на нее.

«Глаза зеленоватые, нос чуть вздернут, – отметила она. – Все вроде сходится».

– Дорого небось, тётка? – поинтересовался он. – Табак-то хоть хороший?

– Довоенный. Трубочный.

Это был пароль. И Федор назвал отзыв:

– Ладно, давай поглядим. А то всучишь какой-нибудь травы.

Они отошли в сторонку, и Федор сказал:

– Ну, здравствуете, Екатерина Александровна. Рад познакомиться.

Они поспешили выбраться из толпы.

– Здесь, в сумке, – вполголоса говорила Никитина, – офицерский планшет с документами. Не знаю, насколько они важны. Добыли наши ребята. Тут же записаны номера машин и срисованы знаки. О взрыве душегубок вы, наверное, слышали?

Фёдор кивнул.

– Ещё мальчики понемногу достают оружие.

– Сводки Информбюро – их работа?

– И сводки. А ещё прокалывают, где могут, покрышки у грузовиков.

– А вот это глупость несусветная, – рассердился Фёдор. – Вы-то, взрослый человек, должны понимать, что немцам сменить проколотые шины минутное дело. Ребята же из-за такого пустяка рискуют жизнью. Категорически запретите. И всё время напоминайте им об осторожности. В детях, знаете, много безрассудной, отчаянной смелости. Иногда совсем ненужной.

– Вы, часом, до войны не в школе работали? – вдруг спросила Никитина. Фёдор удивлённо посмотрел на неё.

– Преподавал немецкий. А что?

– Да в вас за версту виден педагог и психолог.

– Это, кстати, одно и то же. – Федор взглянул на часы. – Мне пора. Огромное вам всем спасибо.

– До свиданья, – сказала Никитина, передавая ему сумку. – Очень рада, что теперь у нас есть связь.

И есть для кого добывать сведения. А то жили как на необитаемом острове.

У Корабельниковых Фёдор застал только Агафью Никитичну.

– А где Анатолий и Дима? – спросил он.

– Кто их знает. К обеду обещались обязательно быть дома.

– Вот что, бабуся, если вас не затруднит, сходите на базар! – Фёдор протянул старухе деньги и, едва она вышла, достал из сумки планшет и стал разбирать бумаги. Перелистывая страницу за страницей, он бормотал: – Ну, молодцы, ну, золото ребяташки!

Бывший владелец планшета оказался офицером связи в штабе самого фон Клейста, командующего группой армий "А", которая действовала на Кавказе.

Некоторые документы, очевидно самые важные, были зашифрованы, но и открытый текст давал очень многое. Здесь же был план карательной операции против партизан в районе Нальчика.

ИЗ БЕСЕДЫ П.И. ДЕНЬГУБОВА С ДМИТРИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ КОРАБЕЛЬНИКОВЫМ

«...Прожив у нас с неделю, дядя Федя и Анатолий как-то после обеда сказали:

– Спасибо вам за все, бабуся, мы уходим, но навещать к вам будем. Ты, Дима, если встретишь нас с Анатолием в городе, не удивляйся. И не подходи к нам.

Два дня после этого я ходил по городу, все надеялся увидеть их. На третий день на Октябрьской улице, у рынка, я столкнулся с Анатолием, на левом рукаве его пиджака была повязка полиция. Я раскрыл глаза от удивления. Он подал мне знак, чтобы я шел за ним. Завел меня за угол и, смеясь, спросил:

– Что, не ожидал?

Я молча кивнул головой.

– Ничего, парень, не теряйся. Так надо.

– А дядя Федя?

– И дядя Федя в полициях служит. Живём мы в общежитии, в бывшем пединституте. Но ты туда ни ногой.

– У меня дома немецкие документы.

– Ладно. Попозже загляну к тебе.

Вечером пришел дядя Федя, принёс продукты бабушке и мне пиджачишко. Знал, что я обносился. Просмотрел документы, забрал их, а планшет посоветовал закопать.

Мы продолжали охотиться за машинами. О моей связи с Фёдором и Анатолием никто из ребят, кроме Юры Бондаревского, не знал.

Однажды, числа двадцатого августа, мы утащили из военной бронированной машины на Красноармейской улице два пистолета и портфель с документами. За ними пришел Фёдор. Пистолеты мы оставили себе, а портфель отдали ему. Он просмотрел документы, карты и сказал:

– Ребятюшки-козлятушки, да вы знаете, какую услугу оказали Родине? Благодарю!

И пожал руку мне и Бондаревскому».

Новая диверсия

Кабель на Горячей горе первым обнаружил Володя Рыжков. С этой вестью он примчался вечером к Мурату Темирбекову. Шайра Гаджиевна, мать Мурата, жарила лепёшки из кукурузной муки.

– Садись, гостем будешь, – пригласила она Володю. Тот сглотнул слюну и вежливо отказался.

– Садись, тебе говорят.

Володя сел за стол рядом с Мариком (так звали Мурата дома) и взял лепёшку. Она обжигала нёбо и казалась необыкновенно вкусной, вкуснее всякого довоенного

пирожного. Впрочем, пирожные и до войны Володя пробовал нечасто: семья у сестры была большая, и всю получку он приносил в дом. Да и на мотороремонтный он пошёл только затем, чтобы не сидеть на шее у сестры.

Перекусив, ребята вышли на крыльцо.

– Есть дело, – начал Володя и коротко рассказал, как он с голодухи залез в чей-то сад у подножия Горячей горы и случайно наткнулся на кабель. – Толстый, почти в мою руку. У тебя ножовка найдется?

– Ножовку достать немудрено, – отозвался Мурат. – А вот как из дому удрать? Мать нашла гайки, которые мы от машин отвинчивали, и в крик. Даже по-кумыкски ругалась, а это уже верный признак, что она до белого каления дошла.

– Закопать не мог? Гайки-то?

Мурат промолчал.

– Ну, ладно, неси ножовку. Мы с Эдькой сходим, а заодно и Карпуню в деле проверим. Он давно просится.

– Это какой Карпуня? С Кабардинки?

– Он самый. Парень вроде свой. Но я ему пока ни о чём не говорил.

– И не надо. Проверить его можно на другом, а сегодня с вами пойду я.

– А мать?

– Через балкон удеру. Приходите с Эдькой, как только стемнеет...

Мурат не подвел. Когда Володя и Эдик Попов пришли на Теплосерную, он уже ждал их с ножовкой, завернутой в мешковину.

Ночь собиралась ветреная. Где-то за Машуком изредка порывивал гром, как большой проснувшийся зверь. По всему было видно, что надвигается гроза.

Пошли задворками и огородами. Там, где приходилось все-таки пересекать улицу, перебежали поодиночке.

Когда добрались до места, стегнули первые прутья дождя, и небо над головой, ахнув, раскололось. По нему, словно светящиеся трещины, пробежали молнии.

– Вон он, смотрите, – сказал Рыжков. Перед ними жирной змеей извивался кабель. – Мурат, начинай, а мы покараулим.

Ножовка легко взяла изоляцию, но дальше дело пошло труднее: проволока не резина. Через несколько минут Мурата сменил Эдик. Потом пилил Володя. Наконец что-то хрустнуло внутри кабеля, и в руках у Рыжкова оказалось два конца.

– Надо смываться, – сказал Эдик.

Но Володя возразил:

– Пока фрицы пройдут с проверкой по городу, мы им другой фокус устроим.

«Фокус» он придумал такой: шагов через сорок еще раз перепилить кабель и вырезанный кусок спрятать подальше. Так они и сделали. Обрезок «змеи» они оттащили за гребень горы и, свернув кольцом, забросали глиной.

Дождь перешел в обвальную ливень.

– А теперь в город. Пускай гады попляшут, – сказал Володя.

Мурат вернулся домой, промокший насквозь и грязный до самых бровей. Мать не спала. Взглянув на сына, она тяжело вздохнула и принесла таз теплой воды.

– Ну что мне с тобой делать? – со слезами в голосе спросила она. – Бить?

Мурат, не отвечая, разделся и стал смывать с себя глину.

– Бить тебя, дурака, спрашиваю? – закричала мать. – Вы же с огнём играете!

Сын устало, совсем по-взрослому посмотрел на неё:

– Это не игрушки, мама. Это война. Неужели ты не понимаешь?

– Да вас убьют! Убьют ведь!

– Пусть. Но мы их на своей земле не потерпим.

Он говорил спокойно, не повышая голоса, и она поняла, что ни угрозы, ни мольбы не помогут. Мальчик на её глазах становился мужчиной. Он знал, что говорит и что делает.

На заре того же дня Витька Дурнев и Юра Бондаревский привели лейтенанта Маркова к тайнику. Это была неширокая трещина между двумя каменными уступами. Один из них нависал козырьком, укрывая тайник от дождя и горных ручьев. Ребята быстро раскидали камни и валежник, сбросили старую плащпалатку, и Марков увидел аккуратно сложенное на куче ветоши боевое оружие: два немецких автомата, три карабина, трехлинейка, два «вальтера» и пистолет ТТ. Отдельно лежали гранаты – немецкие и наши. Все оружие было густо смазано солидолом. В самом низу тайника золотились патроны – в обоймах и россыпью.

– Это когда же вы успели? – поразился Марков. – Ну, и парни! Ну и орлы!

Про себя ликуя, ребята сделали вид, что похвалы они в общем-то не заслужили и говорить тут вроде не о чем.

– Нам бы с вами только до победы дожить, – помолчав, продолжал лейтенант. – Да что там до победы! Как только сюда вернется Красная Армия, я вас разыщу. И Эдика и Спартака тоже. Даю слово офицера. А теперь придется нам попрощаться. Сегодня в ночь мы уходим. Будем пробиваться через линию фронта. Всё-таки нас не так уж мало – девятнадцать человек, и все обстрелянные.

– А если не удастся? – спросил Юра.

– Уйдём в партизаны. Ниточка к ним у нас есть. А воевать везде можно, лишь бы без дела не сидеть. Ну, до скорой встречи, парни. Дайте я вас расцелую, хоть по уставу это и не положено.

Марков по очереди обнял Юру и Витьку, поцеловал и, слегка припадая на правую ногу, пошел к пещере, где его ждали товарищи. На повороте лейтенант обернулся и поднял руку. Никто из них не знал тогда, что свидеться им больше не суждено.

Наскоро замаскировав тайник, ребята вернулись в город.

Новички

Начальник «русского» гестапо подошел к зданию бывшего пединститута. Теперь здесь было общежитие городской полиции.

Колесникова интересовали два новичка, недавно принятые в полицию. Старший из них, Фёдор Бердюков, вызывал в начальнике оперотдела не то что подозрение, а какое-то смутное беспокойство. Он был почтителен, но за этой почтительностью проскальзывало то ли презрение, то ли высокомерие. По документам и Фёдор, и Анатолий числились рядовыми красноармейцами. Оба дезертировали, как и Колесников. Причина дезертирства была обычной: поняли, что война проиграна и шутить со смертью дальше не стоит. И тот и другой уроженцы Смоленщины. Проверить это не удалось: село их было дотла сожжено, а уцелевшие жители разбежались.

Новичков поселили вместе с двумя «старыми» полицейскими – Гришаном и Краснощековым (так распорядился Колесников). Бывшая аудитория, где они жили, была заставлена кроватями, музейными столами с гнутыми ножками, диванами и оттоманками. Стояло здесь даже трюмо, которое с разрешения Колесникова приволок из гостиницы «Бристоль» Краснощеков.

Когда Колесников вошёл, перед этим зеркалом стоял Бердюков и брился. Увидев начальство, он чуть заметно кивнул. Остальные приняли стойку «смирно».

Колесников сел против зеркала на один из диванов и, закурив, сказал:

– А знаете, Федор Анатольевич, у меня для вас есть новость. В Овсянке на Смоленщине вы никогда не жили. Я проверил.

Рука Фёдора, в которой он держал опасную бритву, даже не дрогнула, только уголки губ скривились в насмешливой улыбке.

– Что ещё? – спросил он.

– Пока и этого достаточно.

– Дешёвая покупка, Александр Акимович. Не пройдёт. – Федор вытер влажным полотенцем лицо и повернулся к Колесникову. – Я не пойму только, за что вы меня невзлюбили.

«Я и сам не пойму, за что», – подумал Колесников, краем глаза глядя на Анатолия. Парень явно порывался что-то сказать, но, видно, не смел вступить в разговор. Гришан и Краснощеков сидели, наострив уши.

– Так вы действительно земляки? – спросил Колесников Анатолия. Тот засмеялся.

– Вы, господин начальник, меня прямо смешите. Да в Овсянке Федора знает каждая собака.

– Брось, Толя, пускай язык почешет, если охота, – с ленцой сказал Бердюков, и опять в его голосе Колесникову почудилось лёгкое презрение. Задуманное было сделано. Гришан и Краснощеков теперь глаз не спустят с Федора. Пускай он остерегается их, а по-настоящему за ним будет следить совсем другой человек.

«Если я ошибаюсь, придется извиниться», – подумал Колесников. Вслух он сказал:

– Вы четверо дежурите сегодня в Цветнике до наступления комендантского часа.

Колесников козырнул и вышел, ещё раз бросив взгляд на Фёдора.

У Карпуни и на мотороремонтном

Володя Рыжков дернул за шнур дверного звонка и прислушался. В квартире что-то происходило: вначале он явно слышал стук молотка, а сейчас все стихло. Володя позвонил еще раз.

– Кто там?

– Это я, не узнаешь?

В замке повернулся ключ, и дверь приоткрылась. На пороге стоял Карпуня. Вид у него был взъерошенный и смущённый.

– Что, не ждал? – спросил Володя. – Мы же договорились, что я сегодня зайду.

– Забыл. Да ты проходи, только ноги вытри.

В комнате, куда Карпуня провел гостя, сидел белобрысый мальчуган лет тринадцати.

– Это Артист, – сказал ему Карпуня. – Познакомьтесь.

Белобрысый протянул руку:

– Котельников, Валя. А я тебя помню.

– Откуда?

– А в клубе на сцене видел. Ты лезгинку плясал.

– Было такое дело в моей биографии, – засмеялся Володя. – А чем это вы занимались? Стук аж на лестнице слышно.

Котельников вопросительно посмотрел на Карпуню.

– Ему можно, – сказал тот.

Валя полез под кровать и вытащил короткую, но широкую доску, сплошь утыканную гвоздями.

– Шины немцам прокалывать? – догадался Володя.

Валя обрадованно кивнул.

– Ага. Мы уже три машины искурочили. А одна вчера прямо в канаву кувырнулась – и колеса кверху. Немцы, которые ехали, бока потирают, ругаются, а мы сидим в палисаднике и ни гугу. Умора!

– Семечки. – Володя поморщился. – Плевое это занятие. Есть дела поважнее.

– Например? – спросил Карпуня.

– Например, нужно добывать немецкие документы и оружие.

– А кто их переправит нашим?

– Это не твоя забота.

– Не доверяешь?

Володя покачал головой.

– Если по-честному, я и сам не знаю, куда и как уходят сведения. Да это и неважно. Связь будете держать со мной. И ещё – вот. – Он достал из пиджака тоненькую пачку бумаг, свернутых в трубку, и положил на стол.

Карпуня отделил от пачки один листок и вслух прочел:

– «Дорогие товарищи! Гитлер прежде хвалился, что Германия победит, потому что она разобьёт нас молниеносно, раньше, чем мы успеем опомниться. По война длится уже второй год. Чем дольше затягивается война, тем слабее становится Гитлер и тем сильнее – его противники, имеющие неисчерпаемые людские и материальные резервы.

Поэтому поражение гитлеровской армии неизбежно. Гитлер врал прежде, что Германия победит в этой войне, ибо она обладает лучшим оружием и в большем количестве, чем другие страны. Теперь Советский Союз, Англия и Америка производят больше оружия и лучшего качества, чем Гитлер и его союзники.

Не верьте брехне вражеской пропаганды, товарищи! Близится час вашего освобождения от иноземного ига! Смерть фашистским оккупантам!

Советские патриоты».

Валя Котельников слушал листовку, по-детски приоткрыв рот.

– Прямо фрицам под дых, – сказал он, когда Карпуня умолк. – А где их надо расклеить?

– Лучше в подъездах больших домов, – ответил Володя. – На улицах сейчас полно патрулей. Немцы как бешеные стали. Да и немудрено: со Сталинградом-то у них ничего не выходит... Ну, так вы беретесь?

Карпуня кивнул.

– Только делайте это так, чтобы не попасться.

– Учи учёного.

Володя попрощался и ушёл довольный. Знай он тогда, чем впоследствии обернётся эта встреча, он бы за версту обошёл дом Карпуни.

На мотороремонтном немцы изо всех сил старались пустить хотя бы один цех. Весь двор завода был забит покалеченной и неисправной техникой: здесь стояли и автомашины, и мотоциклы, и даже несколько средних танков.

Специалистов на заводе не хватало, хотя фельджандармерия прочесала весь город не один раз. Большинство кадровых рабочих было призвано в армию или ушло с нашими отступающими частями. Осталась одна зелёная молодежь из ремесленных

училищ да старики, ещё до войны ушедшие на покой. Однако гитлеровцы добрались и до них. Старики прикидывались совсем немощными инвалидами, выжившими из ума, и отлынивали от работы как могли.

Почти все станки были вывезены, а у тех, что остались, неоставало суппортов, патронов и приводных ремней. Начальство завода выписало оборудование из Германии вместе с тремя мастерами, но рабочие глядели на новые станки как на диковину, и мастера-немцы хрипли от ругани, пытаясь втолковать «этим русским дуракам», "diesen dummen Russen", с какого конца подступиться к делу. Неповоротливые старики чесали в затылке, вздыхали и запарывали самые простейшие, казалось бы, детали.

Молодёжь была и того хуже. Подростки тыкались, словно слепые котята, не умея обращаться даже с тисками и напильником. Нередкие случаи травматизма дополняли эту безрадостную картину.

Примерно такая же обстановка складывалась на макаронной фабрике и на заводе вулканизационного оборудования. Оба предприятия тоже должны были работать на германскую армию, но пока ни на шаг не сдвинулись с мертвой точки.

Всё это не могло не насторожить гестапо, и Винц поручил расследование Бибушу, откомандировав в помощь ему людей из 1-го (секретного) отдела городской полиции. Бибуш начал с мотороремонтного завода. При первом же обыске его сотрудники обнаружили в мужской раздевалке – прямо на стене! – типографскую листовку возмутительного содержания. Бибуш взбеленился и устроил скандал начальнику завода Крайзеру. Тот сослался на занятость и незнание русского языка, хотя сам никогда не заглядывал в раздевалку – боялся, что пристукнут, а там ищи виноватых.

В обеденный перерыв Бибуш с переводчицей организовал что-то вроде общего собрания и зачитал приказ, который предписывал карать саботажников смертной казнью наравне с диверсантами и шпионами. Под приказом стояла подпись самого фельдмаршала Кейтеля [9].

Рабочие выслушали и Бибуша и переводчицу с одинаково угрюмым равнодушием, словно грозный приказ не имел к ним никакого отношения.

Бондаревская и Спартак Никитин тоже стояли в толпе рабочих. Когда Бибуш, потрясая найденной листовкой, заговорил о подстрекателях, смутьянах и красных агитаторах, Спартак перехватил взгляд Нины Елистратовны и чуть заметно улыбнулся.

Вечером, по дороге домой, Нина Елистратовна сказала ему:

– Мы перестарались. Передай своим ребятам, чтобы открытый саботаж прекратили. Это слишком опасно. Начнутся аресты. Что касается отремонтированных машин, то мы найдем способ снова вывести их из строя. С новичками, которые придут на завод, будь предельно осмотрителен. Среди них наверняка окажутся провокаторы из гестапо. Спроси у матери, не сможет ли она через Фёдора достать мины с часовым механизмом.

– Ясно, – ответил Спартак. – Но убедить их будет нелегко.

Нина Елистратовна поняла, кого имеет в виду Спартак. Он говорил о заводской молодежи, среди которой надеялся создать подпольную группу.

В театре и у Провала

Никитина встретила с Фёдором в городском театре. Давали «Бесприданницу». Публика в зале была поголовно русская, потому что немцы ходили только на оперетты, не требующие знания языка.

В антракте после первого действия Фёдор сказал:

– Получены сведения, что через несколько дней сюда прибудет генерал фон Клейст, командующий кавказскими войсками. Он собирается проводить совещание. Вероятнее всего, здесь, в театре. Будет все высшее офицерство. Вы понимаете?

– Есть возможность рассчитаться сразу со всеми.

– Другой такой случай представится не скоро.

– Что я должна сделать?

– Связаться с кем-нибудь из работников театра.

Никитина задумалась.

– Я вас не тороплю, Екатерина Александровна. Если этот вариант не пройдет, есть в запасе и другой.

– Какой?

– Через своих людей мы свяжемся с Большой землей и вызовем авиацию. Скверно одно: в городе очень сильная противовоздушная оборона, и прорвутся ли наши, неизвестно. Поэтому я и обратился к вам.

– Ну, что ж, завтра я поговорю с одним человеком, – сказала Никитина и улыбнулась: – Вы свою даму хоть фруктовой водой угостили бы.

Говоря об «одном человеке», она имела в виду Александру Павленко, или Шуру, как её называли все. Шура работала на мотороремонтном вместе с Ниной Елистратовной и Спартаком, а сестра её то ли заведовала реквизитом в театре, то ли была там кассиршей. К подпольной работе Шуру привлекла Бондаревская – у них у обоих мужья были кадровыми офицерами, и дружили они семьями ещё до войны. По словам Нины Елистратовны, Шура была абсолютно надёжным товарищем, но с одним изъяном: она не умела скрывать своей ненависти к фашистам. Её просто трясло, когда она их видела. Зато агитатор из Шуры превосходный: работницы готовы были идти с нею хоть на баррикады.

Размашистая в движениях, стриженная под мальчишку, Шура нередко и вела себя, как уличный сорванец. Однажды Рахим Махмудов по её милости целых полчаса прогуливался в базарной толкучке с такими стихами на спине:

Длиннорукая горилла

По-немецки говорила.

Будь на этом свете бог,

У неё б язык отсох.

Люди давились от смеха, пока полицай не почуял неладное и не обнаружил на себе злополучную бумагу. Шуре же за эту выходку Нина Елистратовна задала хорошую головомойку...

Фёдор вернулся из буфета с двумя бокалами виноградного вина. Никитина всплеснула руками:

– Да вы просто волшебник!

– Ошибаетесь. Полицай сильнее волшебника. – Понизив голос, Фёдор добавил: – «Бывали хуже времена, но не было подлей». За наш успех, Екатерина Александровна...

У дома Никитиной они договорились, что Фёдор попробует раздобыть мины замедленного действия и для Бондаревской.

У Провала, перед Телечеевскими ваннами, остановилась легковая машина стального цвета. На борту её был намалеван дубовый лист в белом треугольнике. Из машины вышел немецкий офицер в лётной форме. Он открыл дверцу и подал руку молодой

красивой женщине. Это была Вера Вайнштейн. До войны она работала маникюршей и выдавала себя то за румынку, то за мадьярку. С приходом гитлеровцев она заявила о своем немецком происхождении и стала работать в комендатуре переводчицей.

Юра Бондаревский, Витька Дурнев, Дима Корабельников и Карпуня сразу засекли машину. Они уже несколько часов вертелись на Провале, дожидаясь удобного случая. Но до сих пор им не везло. Немецкие офицеры приезжали целыми компаниями, и всегда кто-нибудь оставался в машине. Возможно, это была случайность, а может, немцы стали осторожнее? Однако вновь прибывший офицер взял с заднего сиденья какие-то бумажные свёртки – наверно, с едой и выпивкой, его спутница прихватила клетчатый плед, и, чему-то смеясь, они неторопливо пошли от машины.

Когда они скрылись из виду, Юра сказал:

– Дима и Карпуня остаются для страховки. Смотреть в оба. Шагораш, ты – со мной.

– А я? – обиделся Карпуня.

– В другой раз пойдешь ты. А сейчас выполняй, что приказано.

– Тоже мне командир выискался...

Но Юра уже не слушал товарища.

– Пошли.

Они, как будто прогуливаясь, не спеша пошли по поляне. Оглянулись. Всё кругом было спокойно. Ни души. И тогда они побежали. К машине. На заднем сиденье Юра увидел фотоаппарат.

– Бери, – шепнул он Витьке, а сам полез в брезентовый карман под приборной доской. В кармане лежала небольшая папка.

Юра сунул её под мышку, и тут до него донёлся отчаянный крик Карпуни:

– Ата-ас!

Оглянувшись, Юра увидел лётчика, который со всех ног бежал к машине. На бегу он выхватил из кобуры пистолет.

Всё решали секунды.

– Беги! – крикнул Юра Витьке. Тот уже сломя голову мчался в сторону Подкумка.

«Правильно сообразил, там кусты», – подумал Юра.

Он бежал петляя. Каждый миг офицер мог выстрелить. Вот и овраг. «Поднажми еще немного».

Юра скатился по заросшему акацией склону. Лицо и руки его были в крови. И только тогда наверху дважды твкнул пистолет. Наверно, офицер стрелял по Витьке.

«Шагораш, миленький, спасайся», – взмолился Юра.

Гестапо выходит на след

Карпуня не помнил, как очутился на другом берегу Подкумка. Он бежал в сторону Горячеводска и вдруг на дороге увидел верхового в форме полицая. Не сознавая, что делает, Карпуня свернул с просёлка и бросился наутек. Это его и погубило.

– Стой! – крикнул полицай.

Остановись тогда Карпуня и соври что-нибудь, все могло бы кончиться по-другому. Однако проклятые ноги сами несли его, и подозрение полицая переросло в уверенность: парень что-то натворил.

На открытом месте от конного далеко не уйти. Вскоре Карпуня услышал за спиной лошадиный хrap, и шею ему обожгла крапивная боль. Он оглянулся: сидевший на коне полицай – он казался огромным – снова поднял плеть для удара.

– Дяденька, не бейте! – прохрипел Карпуня, прикрывая руками голову.

– А зачем тикав, бисов сын? Давай топай, в полиции разберемся.

Карпуня помертвел, увидев перед зданием полиции знакомую машину с дубовым листом на борту. По пути он успел сочинить историю о хромовых ботинках, которые обновил только сегодня. «Скажу, что украл ка базаре у какой-то бабы. Потому, дескать, и кинулся бежать от полицейского. Все просто и понятно. Ну, отлают за воровство, пусть даже надают подзатыльников, переживу».

Так думал Карпуня, постепенно приходя в себя от пережитого страха. И вот этот план рухнул в один миг. Что говорить теперь? Как оправдываться? Ведь он даже не знает, что пропало из этой чертовой машины. Что же делать?

Так ничего и не решив, Карпуня в сопровождении полиция вошёл в какую-то комнату.

За столом сидел широкоплечий пучеглазый мужчина в русской гимнастёрке. Он мельком взглянул на полиция.

– Что у тебя, Гришан?

– Вот подывитесь, ваше благородие, на этого хлопца.

– А чего мне на него смотреть?

– Тикав вид мэнэ. Дивлюсь, бежит по шляху на Горячеводск як скаженный...

– Ага. – Мужчина встал, подошел к Карпуне и взял его за подбородок. – Так это, значит, ты был на Провале, у Телечеевских ванн.

«Знает, всё знает», – с тоской подумал Карпуня и непроизвольно кивнул.

– Оч-чень хорошо, – обрадовался пучеглазый и снял телефонную трубку. – Барышня, Колесников говорит. Попросите ко мне господина обер-лейтенанта... Да, с переводчицей.

Вскоре вошел офицер-летчик и с ним Вера Вайнштейн.

– Ты можешь идти, – сказал Колесников Гришану и обратился к девушке: – Скажите господину обер-лейтенанту, чтобы он внимательно присмотрелся к этому парню. Мы подозреваем его в ограблении вашей машины.

Вера заговорила по-немецки. Лётчик оглядел Карпуню с головы до ног, покачал головой и что-то сердито ответил.

– Господин Зауэр говорит, что этого мальчика он не видел, – перевела Вера. – Там действовали двое других, поменьше ростом. Они были босые.

Карпуня тупо посмотрел на свои новые ботинки и вдруг понял, что совершил непоправимую ошибку. Никто из ребят не пойман, лётчик видел только Шагораша и Бондаревского, Карпуня мог бы наврать пучеглазому с три короба, и никто бы не уличил его во лжи. Свидетелей-то нет! Ребята на свободе, а он, как последний дурак, сунул голову в петлю.

Пучеглазый что-то говорил немцу, кажется, извинялся. В речи летчика повторялись два слова: "ди Маппе" и "камера".

«Маппе" – это портфель, папка, – понял Карпуня, – из-за неё меня посадят в камеру».

Офицер с переводчицей ушли, а Карпуня остался один на один с Колесниковым.

– Садись, парень, – сказал тот и подмигнул выпуклым синим глазом. – Приступим сразу к делу. Ответь на мои вопросы и пойдешь домой. Согласен?

Карпуня молчал.

– Итак, вопрос первый: кто из твоих дружков обчистил машину?

– Я не видел никакой машины.

– Но ты же был на Провале?

– Был.

– Так. А машина там была только одна. Получается нескладно. И зачем ты туда ходил?

Колесников говорил доброжелательно, и Карпуня немного успокоился, собираясь с мыслями.

– Так зачем?

– Туда часто приезжают немцы фотографироваться. Ну и после них остается кое-что. Хлеб, мясо в банках... На доньшке, конечно...

– Стало быть, подкармливаются? И заодно шарите по машинам?

– Я ни разу ничего не украл.

– Верю, А твои приятели?

– За приятелей я не отвечаю.

– Правильно. Человек отвечает только сам за себя, за свою голову. А голова-то у тебя одна...

Карпуня молчал. Он был зол на себя: так глупо попался в ловушку. Теперь спасти его может только одно: надо говорить правду. Но если он расскажет про проколотые шины, листовки, которые они с Вале́й Котельниковым расклеивали, это пахнет расстрелом.

– Долго мы будем играть в молчанку? – спросил Колесников. – Что ж, не хочешь по-хорошему, дело твоё. Придётся познакомить тебя с гестапо. Там умеют развязывать языки. Поразмысли до завтра...

Гестапо... Тело Карпуни покрылось липкой испариной.

Палачи

Утро 5 сентября выдалось тихое. Просвеченный солнцем туман заполнял улицы, и в нём тёмными тенями двигались сотни людей. Они брели к старым Кавалерийским казармам, толкая впереди себя ручные тележки и тачки с пожитками. Было много детей и стариков.

Юра Бондаревский, Витька Дурнев и Эдик Попов стояли на улице Анджиевского и вглядывались в лица проходивших мимо людей. Среди них были знакомые.

– Смотри, Женька! – Юра дернул Эдика за рукав.

Женя Каган учился с ними в одном классе. Он шел рядом с матерью, держа за руку четырехлетнюю сестренку. Девочка хныкала. Он сердито совал ей в руки плюшевого одноухого зайца.

– Перестань канючить. Скоро придём, там и достанем твоего Мурзика. Он у мамы в котомке сидит. И помалкивает, не то что ты.

Юра подошел к Жене.

– Слушай, Жека, ты вот что: сворачивай в первый же двор. Мы тебя спрячем. Ведь скоро наши придут.

Женя глянул на мать. Он колебался.

Тогда Бондаревский сказал:

– Анна Осиповна, отпустите Женю с Людкой...

– Зачем? – устало и безразлично спросила мать. – Уж если пропадать, так всем вместе.

– Ты, Юра, дальше не ходи, – сказал вдруг Женя. – Там оцепление...

В конце улицы, по обеим сторонам, выстроились солдаты с автоматами на изготовку. Некоторые из них держали на поводках рослых, откормленных овчарок.

Юра повернулся и пошёл назад, до хруста сцепив зубы.

У Кавалерийских казарм, напротив кладбища, стояли десятки грузовиков, крытых зеленым брезентом. Просторный плац был оцеплен жандармами и полицией.

Подъехала легковая машина. Из нее вышел штурмбаннфюрер Пфайфер с мегафоном в руке.

– Приказываю все вещи оставить здесь. Багаж будет доставлен следом за вами. За его сохранность отвечает командование. При посадке на машины соблюдать очередность и порядок.

И посадка началась.

Набитые до отказа машины одна за другой уходили с площади. К полудню около трех тысяч человек были доставлены в Минеральные Воды.

Ни в чём не повинных людей убивали с часу дня до позднего вечера. Руководил расправой штурмбаннфюрер Пфайфер. Одним из самых ретивых его помощников был Колесников: он жаждал заслужить доверие оккупантов.

Падение

Когда Гришан привел в полицию перепуганного насмерть парнишку, Колесников даже не предполагал, что первый же его вопрос, заданный наобум, попадет в точку. Мальчишка не пытался отрицать, что был на Провале. Правда, потом он опомнился и отказался назвать своих дружков-приятелей. Но, судя по всему, орешек этот не из крепких, расколется.

И тогда Винц заткнется со своими погрёками. Ему самому пока хвалиться нечем, а «русское» гестапо уже ухватило ниточку и скоро разматывает весь клубок.

Не исключено, что и к листовкам этот парень имеет какое-то отношение.

После «акции» в Минводах Колесников сразу же поехал в полицию и велел вызвать арестованного.

– Ну, ты не передумал? Зря... Ладно, пошли.

У подъезда стояла легковая машина марки BMW. Колесников посадил Карпуню на переднее сиденье, а сам сел на место шофера. На улице было совсем темно, и Колесников включил фары.

Ехали молча.

«А что, если броситься на него? – лихорадочно соображал Карпуня. – Нет, ничего не выйдет. Мне с ним не справиться... А может, выпрыгнуть на повороте?»

Словно угадав его мысли, Колесников сказал:

– Не вздумай валять дурака, сразу станешь покойником.

Машина подъехала к гестапо. Колесников, взяв Карпуню за руку, повел его по лестнице куда-то вниз.

В подвале горели тусклые лампочки. Они освещали ряд железных дверей. Внезапно из-за одной двери раздался душераздирающий крик, от которого у Карпу ни волосы встали дыбом.

Еле переставляя ноги, Карпуня вошел в соседнюю дверь, которую Колесников открыл своим ключом.

Камера была ярко освещена. Карпуня поднял глаза и увидел в углу камеры подвешенного за руки обнаженного мужчину. Лицо его было сплошным кровоподтеком, тело исполосовано багровыми полосами. В голове у Карпуни зазвенело, стены камеры качнулись, и он потерял сознание.

Очнулся он в какой-то комнате, на диване. За столом сидел Колесников и при свете лампы с зеленым абажуром что-то писал.

– Очухался? – спросил он. – Тогда садись к столу. Чаю хочешь?

– Хочу, – сказал Карпуня.

Чай был крепкий и сладкий. От него по телу разливалось тепло.

– Ну, а теперь к делу. С кем ты был на Провале?

И неожиданно для себя Карпуня назвал Котельникова.

Почему именно эту фамилию, он и сам не знал. Ведь Вальки с ними не было. Были Бондаревский, Шагораш и Димка Корабельников.

– Так, Котельников Валентин. – записал Колесников. – Где живёт?

– Улица Красная, пять.

– Вы были вдвоём?

– Да.

– Куда вы дели фотоаппарат?

– Бросили в кусты. И портфель бросили.

– А зачем вам понадобился портфель?

– Думали найти что-нибудь из еды.

– Шоколад, например?

Карпуня кивнул. Ему казалось, что всё складывается удачно. Даже если Вальку арестуют, тот ничего не сможет сказать: ребят он не знает. И они останутся на свободе. Вальке, само собой, достанется на орехи, но не убьют же его полицаи. А фотоаппарат и портфель, конечно, не найдут – мало ли кто мог их подобрать.

Карпуня вздохнул свободнее: ловко сумел он провести врага. Но тут Колесников молча положил перед ним листок бумаги с отпечатанным на машинке текстом. В нем было оставлено несколько пропусков. Карпуня пробежал листок глазами:

«Заявление-обязательство от 6 сентября 1942 года.

Я... – . – . – . – ., проживающий..... даю добровольное обязательство активно помогать германским властям в деле установления нового порядка и сообщать им обо всех известных мне лицах, опасных для нового строя. Мне известно, что за разглашение данного обязательства я буду привлечен к строгой ответственности.

Подпись

Присвоенный псевдоним».

Колесников с интересом наблюдал, как меняется у Карпуни выражение лица. Изумление сменилось ужасом, ужас – растерянностью.

– Ну, давай, парень, – спокойно сказал Колесников, подавая Карпу не автоматическую ручку. – И не волнуйся: красные не вернуться.

Карпуня заплакал. Глотая слезы, он заполнил пропуски. «Всё равно я никого предавать не буду, – твердил он про себя. – Как только выпустят, убегу куда глаза глядят».

Колесников взял листок и вслух прочёл:

– «Я, Карпов Юрий Семенович, проживающий по улице Верхняя, 38, даю добровольное обязательство... Присвоенный псевдоним...»

Колесников задумался и написал: «Глаз». Потом он снял телефонную трубку.

– Господин капитан, с парнем все в порядке. Да, назвал фамилию и адрес.

На воле и в гестапо

Передавая матери портфель с документами, Юра рассказал все без утайки.

– Как ты думаешь, ма, это была ловушка или просто случайность?

Нина Елистратовна сидела бледная, сложив на коленях руки. Ей было не по себе. Сердце сжимало какое-то предчувствие.

– Случайность? – переспросила она. – Это можно проверить: немедленно отнести портфель Никитиной, и пускай Федор разберется, насколько важны документы. А вам затаиться, ничего не предпринимать. Кстати, как ребята?

– Как и приказано. Отсиживаются по домам.

– А этот ваш новенький... Карпов, кажется?

– Он молодцом. Сердится на нас, что не поручаем ему ничего серьезного. Вроде не доверяем.

– Не спешите. Вы все знаете друг друга с детства, а он человек почти незнакомый.

– Но проверить его можно только в деле! – горячо возразил Юра и умолк: в дверь постучали.

Вошел Витька Дурнев и, не здороваясь, спросил:

– Долго мы еще будем бездельничать? Забились по своим норам, как кроты. Сидим, штаны просиживаем...

– Кроты, между прочим, штанов не носят, – попробовал отшутиться Юра, но Шагораш уже закусил удила:

– Тебе все хахоньки. А нас Карпуня трусами обозвал. Это как?

– Он что, был у тебя? – насторожилась Нина Елистратовна.

– Был недавно. Звал на «охоту».

– А приказ?

– Приказ, приказ... – проворчал Витька, но ток заметно сбавил. – Обидно же сидеть сложа руки. А Карпуня обещал принести мину, у него есть.

– Откуда?

– А откуда они у нас взялись, когда мы душегубки взорвали? Ясное дело, у немцев спёр.

– Что-то раньше он про мину не говорил, – недоверчиво заметил Юра.

– Не было мины, и не говорил, а теперь есть.

Нина Елистратовна решила прекратить бесполезный спор.

– Вот что, ребята, я еще раз повторяю, никакой отсебятины. А если ваш Карпуня будет разводить самодеятельность, то организации он больше не нужен. Так ему и передайте. Без дисциплины мы провалимся с треском. Я сейчас уйду. До моего возвращения ни шагу из дома.

Нина Елистратовна вынула из портфеля бумаги, сунула их в хозяйственную сумку и ушла.

Юра и Шагораш, чтобы убить время, сели играть в шашки.

– Когда же наши-то вернутся? – заговорил Вптька. – Терпение лопается. Веришь, каждую ночь снится, будто выхожу на улицу, а там ни одного фашиста. И все по-старому. Дураки мы были, ох и дураки...

– Ты о чём?

– Да хотя бы о себе. Это надо же, на уроки из-под палки ходил... Ну теперь дудки. Землю носом рыть буду, а выучусь. И в Одессу, в мореходку, махну.

Юра хмыкнул:

– Раньше ты вроде в киномеханики собирался.

– Киномеханикам тоже лафа. Только чтоб на передвижке работать. Ну, какой, скажи, интерес торчать на одном месте? Жизнь пройдёт, и ничего не увидишь. А я дальше Пятигорска нигде ещё и не был.

– А я бы учителем стал. Как мама...

ИЗ БЕСЕДЫ С СЕСТРОЙ ВАЛЕНТИНА КОТЕЛЬНИКОВА ВЕРОЙ ФИЛИППОВНОЙ ПОНОМАРЕВОЙ

«...7 сентября 1942 года меня, маму мою Феодосию Фёдоровну и бабушку – ей было 75 лет – арестовали.

На рассвете во двор нашего дома пришел немец в военной форме, с ним два полица и парень по имени Юрий Карпов, друг моего брата Валентина. Спросили, где Валентин. Получив ответ, что он дома не ночевал, они арестовали нас и отвезли в подвал под армянской церковью.

Где был в эту ночь Валентин, я не знаю, но на следующий день его бросили в подвал, избитого, окровавленного. Он рассказал, что его взяли на улице, возили домой, делали обыск, искали оружие...

Как только привели Валентина, меня, маму и бабушку вызвали наверх и отправили в комендатуру. Поместили в одну из комнат, где уже находилась мать Карпова.

Мою маму вызывали на допрос и истязали. Требовали сказать, с кем из подпольщиков связан Валентин. Говорили, что у нас нашли оружие. Мама отвечала: «Не может быть». Два дня спустя нам отдали ключи и под конвоем полица отвели домой.

Мама носила Валентину передачу до 14 сентября, а потом его не стало, и по сей день о его судьбе ничего не известно... Когда мы сидели в подвале, Карпова Юрия там не было».

Его действительно там не было. Потому что он всё ещё находился в гестапо. Очную ставку его с Валентином проводил Колесников.

Когда Вальку ввели в камеру Карпуна его не узнал. Изуродованное, отёкшее от побоев лицо казалось маской, одна рука висела, как плеть.

– Твой товарищ всё нам рассказал! – сказал Колесников. – Может, и ты теперь соизволишь открыть рот?

Валька заплывшими глазами посмотрел на Карпуню и помотал головой. Он не верил, что его предали.

– Оставьте нас одних, – отводя взгляд в сторону, попросил Карпуня.

– Будь по-твоему. – Колесников вышел и звякнул засовом. Валентин сел на пол, прислонившись спиной к стене.

– Про какой фотоаппарат допытываются? – тихо спросил Валентин. – Это ты его взял?

– Нет. – Карпуня оглянулся на дверь и быстро зашептал: – Взяли Бондаревский и Дурнев. А я сказал, что ты.

– Зачем?

– Понимаешь, они грозились меня расстрелять, если не скажу, с кем был у машины. И я назвал тебя. Ты маленький, поплачь хорошенько – и сойдет. Ну, чего ты молчишь?

Карпуня подошел к Валентину и сел перед ним на корточки.

– Скажи им, что мы оставили «лейку» и портфель с бумагами в кустах. Мы должны спасти ребят. Слышишь?

– Слышу... Жалко... – чуть внятно отозвался Валя.

– Что жалко?

– Жалко, что не могу дать тебе по морде: рука сломана. Ты сволочь. И ребят ты уже продал. Или ещё не успел? – Опершись на здоровую руку, Валя подался вперед и плюнул Карпуне в лицо. – Отойди от меня, шкура продажная, и успокойся: я всё приму на себя... А ты поживи... До прихода наших...

Подготовка к новой операции

Целых четыре часа просидела Нина Елистратовна у Никитиной в томительном ожидании, да так и не дождалась её. В голову лезли мысли одна страшнее другой: вдруг Екатерина Александровна угодила в облаву и портфель с документами попал в руки врагов. А может, Фёдора и Анатолия арестовали?

Однако все страхи оказались напрасными. Ничего плохого не случилось. Скорее, наоборот. Партизанская разведка готовилась нанести оккупантам чувствительный удар. Всё говорило о том, что сведения Фёдора верны.

Возвращаясь в смятении домой, Нина Елистратовна увидела у входа в гостиницу «Бристоль» [10] группу немецких офицеров. К гостинице то и дело подъезжали легковые машины, из них выходили всё новые и новые чины, среди них были даже генералы.

У своего дома Нина Елистратовна ощутила смутное беспокойство. Она оглянулась исподтишка: неподалеку, у перекрёстка, стоял невзрачный человек и читал наклеенную на заборе афишу. В её сторону он не глядел, но Нина Елистратовна почувствовала неладное. Неужели за нею установлена слежка? Чепуха! Просто сдают нервы. Однако не мешает проверить...

У Бондаревских сидели Дурнев и Лёва Акимов.

– Здравствуй, сосед, – сказала ему Нина Елистратовна. – Ты чего такой невесёлый?

– Да мать шумит, – нехотя отозвался Лёва. – Даже к вам насилу пустила. Грозится на ключ запирасть.

– Тебя запири, так ты дверь на себе унесёшь, – заметил Юра и повернулся к матери: – Ну, что?

Она присела к столу.

– Начну по порядку. Документы, которые вы добыли, исключительно ценные. В них есть сведения о вражеских аэродромах. Они сразу же уйдут по назначению. И еще всем вам большущий привет, угадайте, от кого... От лейтенанта Маркова.

– Так, значит, он партизанит?

– Где вы его видели? В городе?

Нина Елистратовна улыбнулась и тут же построжала:

– Отставить! Вы громче кричать не можете?

– Я бы даже сплясал, – вставил Витька.

– Спляшешь при встрече. А сейчас я вам дам задание.

Ребята сразу притихли.

– Завтра в двенадцать начнется совещание немецкого командования. В театре. Большая земля об этом знает и пришлет авиацию. Наше дело – помочь летчикам, навести их на цель. – Нина Елистратовна вынула из сумки и положила на стол пистолет-ракетницу. – Вот ваше оружие. Вы поднимитесь на Машук и, как только появятся наши самолёты, пустите три ракеты в сторону театра. Просигналите и немедленно скроетесь. Приказ ясен?

– Ясен, – за всех ответил Лёва Акимов.

– Ты, самый старший, назначаешься командиром. Всего предвидеть нельзя, поэтому поступай по обстоятельствам.

Лёва слегка побледнел, отчего на лице у него еще отчётливее проступила россыпь веснушек.

– На Горячей горе, – продолжала Нина Елистратовна, – будет другая наша группа. Это на тот случай, если с вами произойдет что-нибудь непредвиденное.

– Хорошо бы заминировать театр, – сказал Юра.

– Идея хорошая, но, увы, невыполнимая. Гитлеровцы – пуганые вороны. Обшарили в театре каждую щелочку и при входе всех обыскивают. И артистов и служащих.

– А что в городе? – спросил Витька.

– Очень много приезжих офицеров. Тем не менее, очередную сводку Информбюро наши вывесили.

Когда Витя и Лёва ушли, Нина Елистратовна сказала сыну:

– Пойди прогуляйся с Игорьком. Посмотри, нет ли там поблизости человека в клетчатом пиджаке. Кажется, он за мной следит.

Юра и Игорь вернулись через полчаса.

Мать вопросительно посмотрела на старшего. Он отрицательно покачал головой.

«Выходит, померещилось», – подумала Нина Елистратовна и пошла на кухню делать «затируху» – кипяток, заправленный кукурузной мукой. Восемь стаканов этой муки она выменяла вчера на свое праздничное шерстяное платье.

Генерал-полковник фон Клейст принял Винца неласково. Он даже не предложил ему сесть.

– Это безобразие, капитан, – разразился он гневной тирадой, – бы работаете спустя рукава. Не можете обеспечить элементарного порядка во вверенном вам районе. По дороге сюда меня дважды обстреляли партизаны, и если бы не бронетранспортеры... – Генерал досадливо махнул рукой и прервал самого себя: – Ладно, речь сейчас не о моей персоне. Меня просто изумляет, что творится повсюду у нас в тылу.

Генерал расхаживал по комнате, и Винцу все время приходилось вертеть головой.

– Да, изумляет и возмущает, – продолжал Клейст. – Армейской разведкой установлено: происходит постоянная утечка информации. Русским становятся известны планы самых секретных операций, и операции эти проваливаются. У вас под носом работают радиостанции красных, а вы и ваши молодчики заботитесь только о том, как бы отправить в Германию побольше посылок.

Генерал опустил в кресло и разрешил сесть Винцу.

– Вы понимаете, капитан, какое сейчас время? Соотношение сил на нашем участке фронта постепенно складывается в пользу противника. Это именно так, и не делайте, пожалуйста, большие глаза. Все наши попытки прорваться к Грозному, к нефти, ни к чему не привели. Наш бронированный кулак, занесенный над Кавказом, остановлен. Русские перемалывают нашу армию, ведут пока оборонительные бои, но готовятся к контрнаступлению. Не сумев проникнуть в Алханчуртскую долину, мы предприняли обходной маневр - двинули танковые соединения в долину Сунжи, чтобы ворваться в Грозный. Но и это не удалось. Мы несем огромные потери и скоро будем вынуждены перейти к обороне. Да-да, к обороне. – Фон Клейст понизил голос: – На совещании об этом не будет сказано ни слова, но служба безопасности обязана знать всё. Я прямо вам говорю: если нам не удастся удержать Кавказ, надо успеть выкачать из этого края как можно больше материальных и людских ресурсов. А вы, насколько мне известно, до сих пор не вывезли в Германию ни одного десятка молодых рабочих. Я вами недоволен, капитан. Говорят, у вас в городе все заборы обклеены большевистскими листовками, а на улицах подрываются наши машины!

Винц похолодел. Кто успел настрочить на него донос – Бибуш, Фишер или Пфайфер?

От дальнейшего разноса Винца спас адъютант фон Клейста.

– Ваше превосходительство, осмелюсь напомнить, через полчаса начало спектакля. Публика уже собралась, – сказал он, войдя в номер.

– Да-да, я помню. Приготовьте мне парадный мундир. Надеюсь, вы проводите меня, капитан? – обратился генерал к Винцу.

– Сочту за честь, генерал. – Винц щелкнул каблуками.

Ракеты над городом

Ранним утром ребята кружными путями пробрались на Машук. Это отняло много времени, зато им не встретился ни один патруль. Для сигнального поста они облюбовали пулеметное гнездо, откуда месяц назад наши десантники вели огонь по наступавшему противнику.

Весь город отсюда был виден как на ладони. Цветник, Дом пионеров, а вон серовато-розовое здание городского театра.

Сентябрьское солнце пригревало совсем по-летнему, и с окрестных полей поднимался светло-сиреневый парок, рядом в кустах прочищала горло зорюшка. Кругом было так мирно и спокойно, будто война давно кончилась и на этой ласковой осенней земле нет больше ни страданий, ни слез, ни смерти...

...Самолёт появился не с востока, откуда его ждали ребята, а с юга, из-за гор. Облитый солнечным светом, он медленно и беззвучно, словно бумажный голубь, плыл к городу.

– Наш? – спросил Юра. – А почему один?

– Одному легче прорваться через линию фронта, – спокойно пояснил Лёва Акимов и до боли в пальцах сжал в руке ракетницу.

Самолёт пошёл на снижение. В городе взхлёб затыкали зенитки. Вокруг самолёта стали распускаться белые тугие клубки, словно лопались какие-то круглые шары, набитые пухом или ватой.

Ребята, не дыша, следили за самолётом.

Лёва Акимов взглянул на часы, которые ему дала Нина Елистратовна: они показывали ровно половину двенадцатого.

Самолёт, увертываясь от разрывов, упрямо шёл к центру города.

– Даю сигнал, – сказал Лёва и поднял пистолет.

Три красные ракеты одна за другой взмыли над Машуком и по широкой дуге ушли в сторону театра. Почти одновременно из-за горы Горячей прочертили небо шнуры зеленого цвета. Зависнув над крышей театра, ракеты рассыпались колючими звёздами, бледными при свете солнца.

Вслед за этим над Цветником выросли исполинские оранжево-чёрные кусты, и до слуха ребят донёсся грохот фугасок.

– Уходим, – приказал Лёва.

И мальчишки, используя ходы сообщения, которыми был изрыт Машук, побежали вниз.

В тот же день они попытались проникнуть в центр города, посмотреть, куда упали бомбы. Но ничего не вышло: все прилегающие к театру улицы оцепила фельджандармерия.

В очередях и на базаре народ только и говорил, что о налёте.

– Это ж надо, прямо в «Бристоль» бомба-то ахнула.

- И театр зацепило...

- Дождались и мы праздничка, слава те господи...

Слухи ходили самые разноречивые. И только через несколько дней ребятам удалось узнать все точнее: одна из бомб угодила в офицерский санаторий рядом с театром, куда со всех фронтов приезжали отпускники. Убитых и раненых гитлеровцев было около сотни.

Совещание в театре так и не состоялось: фон Клейст не решился ещё раз подвергать опасности жизнь своих командиров и штабистов. Он уехал разгневанный, и Винц

понял, что на карту поставлена не только его, Винца, карьера, ко и голова. Слова, сказанные генералом на прощание, не оставляли в том ни малейшего сомнения:

– Если в ближайшее время вы не поймаете ракетчиков и всю подпольную агентуру, пеняйте на себя, капитан.

И по городу снова покати́лась зловещая волна арестов и обысков.

«Вот беда так беда»

Несчастье свалилось как снег на голову. После обеда к Бондаревским, у которых сидела Шура Павленко, прибежал Дима Корабельников и, заикаясь, сказал:

– Фёдор и Анатолий... с-с-хвачены.

– Сядь. – Нина Елистратовна принесла стакан воды. – На, выпей и приди в себя.

Сделав несколько глотков, Дима достал из кармана смятый клочок бумаги.

– Это от них. Принёс какой-то пацан, я его не знаю.

В записке говорилось:

«Мы с Ф. арестованы. Немедленно уходи из города – нас могли видеть вместе. Передай сестре: нас выследил Волобуев. Прощай. А.»

– Где этот мальчик? – спросила Нина Елистратовна.

– Ждёт во дворе.

– Позови.

Дима вернулся с мальчиком лет десяти, в большой шапке и рваных тапочках. Нина Елистратовна за руку подвела его к столу, поближе к свету.

– Кто тебе передал записку?

– Дяденька. Он в подвале сидит, в полиции.

– На Университетской?

– Ага. Там решётки на окнах, а стекла выбиты. Он меня подозвал и говорит: «Отнеси». И адрес сказал. Я сразу и понёс.

– Что же там охраны нет?

– Почему нет? Полицай стоит. Но которые не боятся, подходят. Еду передают. Там, в подвалах, людей много, а полицаи их вовсе не кормят, только воду дают. Вот народ и приносит.

Мальчик говорил неторопливо и рассудительно, как маленький старичок. И личико у него было старенькое, наверное, от голода. Нина Елистратовна дала ему ломоть хлеба.

– О записке никому ни слова. Понял?

– Что ли я похож на дурака, – буркнул он и ушел.

– Дима, тебе в самом деле надо уехать к сестре, – сказала Нина Елистратовна. – Вот беда так беда. Не чаяли, не гадали...

– Как этого подлеца только земля носит, – вмешалась в разговор Шура. Она закурила и посмотрела на Нину Елистратовну. Глаза у нее блестели сухо и холодно. – Только и слышу: Волобуев расстрелял. Волобуев арестовал, Волобуев избил. Весь город боится его, как чумы... Кстати, кто был связан с Фёдором и Анатолием?

– Никитина. Я сейчас же бегу к ней. – Нина Елистратовна стала одеваться.

– Постой, – сказала Шура. – А если она уже арестована и в квартире засада?

– Что ты предлагаешь?

– Пойду я. Без тебя ребята наделают глупостей и пропадут. Не бойся, я буду осторожна. Для начала порасспрошу соседей.

Шура ушла вместе с Димой.

Вернулась она к вечеру. Усталым движением сняла с головы платок, потом порылась в своей сумочке и положила на стол револьвер.

– У Никитиных никого нет, – сказала она и глухим голосом добавила: – Нина, из этой штуки я застрелила Волобуева...

Нина Елистратовна слабо охнула и опустилась на стул.

«Пора захлопнуть западню»

Винц подошел к окну и раздвинул шторы. Было уже за полночь. Над городом висел двурогий чеканный месяц, в его неживом свете деревья на улице казались угольно-черными.

В дверь осторожно постучали.

– Да. – Винц быстро обернулся: видно, кого-то ждал.

Вошел Колесников.

– Вы хоть привели бы себя, в порядок, – брезгливо сказал Винц, глядя на забрызганную кровью гимнастерку Колесникова.

Тот равнодушно махнул рукой:

– Вам хорошо говорить...

– Ну, что эти двое?

– Молчат. Прошли через все, а толку никакого... Дайте сигарету, у меня кончились... – Колесников закурил, руки у него дрожали. – Знаете, господин гауптштурмфюрер, я временами начинаю сомневаться в их виновности.

– А докладные покойного Волобуева? – возразил Винц и, порывшись в бумагах, достал несколько листков. – Вот написано черным по белому: 18 августа Федор уходил за город в сторону Юцы. Вернулся поздно. 25 августа часа на четыре отлучался из общежития Анатолий. А вот встречи Федора с Никитиной: 17 августа на базаре и 25-го в театре. Сопоставьте эти свидания и исчезновения ваших полицейских.

– Да, свидания. – Колесников вздохнул. – Бердюков утверждает, что просто пытался ухаживать за ней. Никитина и в самом деле красивая женщина...

– И жена крупного партийного работника...

– Бывшая, – поправил Колесников. – Бывшая жена. Они развелись четыре года назад, и Никитин переехал в Ставрополь к другой семье.

– И после развода они не встречались?

– Почему же... Никитин довольно часто приезжал повидать сына.

– Вот видите. Между ними могли сохраниться чисто деловые отношения.

Колесников криво усмехнулся:

– Что вы, ей-богу, выдумываете. Какая женщина станет хоть в чём-то помогать человеку, покинувшему её? Это противоестественно.

– Не думаю. У таких людей духовные связи бывают очень прочными. Я знаю это по личным наблюдениям. И ещё одна неувязочка. Зачем Никитина осталась в городе? Почему она не эвакуировалась? Супруг мог ей в этом помочь хоть ради сына.

Колесников молчал.

– Ну, хорошо, – .сказал Винц. – Когда вы думаете брать Никитину?

– Когда хотите. Я выполнял ваш приказ – не трогать ее до выяснения связей. А что выяснили? Что к Никитиной в её отсутствие приходила какая-то женщина. Волобуев пошёл за ней и в самом людном месте, на базаре, получил три пули в живот.

– Это ваша ошибка. Нужно было послать не одного Волобуева.

– А где я возьму людей? – огрызнулся Колесников. – Вы всех забрали на облавы и обыски.

– Надо расширять контингент. В средствах мы вас не ограничиваем.

– Расширять! Можно подумать, что от желающих поступить в полицию отбою нет. Вы не хуже меня знаете, какого сорта люди приходят к нам – только те, которые не ждут от Советов ничего, кроме виселицы. А после убийства Волобуева, боюсь, и они начнут разбегаться. Весь город считает, что это акт возмездия, публичная казнь, если хотите. Схваченные свидетели, когда их спрашивали, как выглядела убийца, лгали с явным удовольствием: то это была брюнетка в шляпке, то блондинка в шляпке, то блондинка в голубом платке, то старуха в черной фуфайке...

– Собственно, на что вы жалуетесь? – перебил Колесникова Винц. – Работать тяжело? Население относится враждебно? Это мне известно и без вас, не на облаке живу. И вообще хватит паниковать, Александр Акимович. Надо работать. Сегодня же арестуйте Никитину. Я убеждён, что она через этого Фёдора связана с партизанами. Это первое. И второе: детской бандитской организацией руководит кто-то из взрослых. И похищение документов, и перерезанный кабель, и сигналы при налете большевистской авиации, и радиосводки – всё это дело малолетних преступников. Подобные организации существуют почти в каждом русском городе, занятом нашими войсками... Кстати, советские сводки, развешанные по городу, подлинные. Значит, их принимают по радио. А что с этими мальчишками, которых назвал Карпов?

– Они ему не доверяют.

– Из чего это следует?

– Если ваше предположение, что сигналы самолету подавали они и их товарищи, правильно, то Карпов не мог не знать об этом. Выходит, он вышел из доверия.

– Ну, что ж, тогда арестуйте и их родителей. Пора захлопнуть западню. Те, кто останется на свободе, будут нервничать и наверняка наделают ошибок. Как только Никитина и Бондаревская будут у нас, устройте им очную ставку. И с Фёдором тоже. У Никитиной любой ценой узнайте фамилию женщины, которая убила Волобуева. Любой ценой! Вы мне сегодня не нравитесь. Ступайте отдохните и подключите к работе Фишера и Рахима. Арестованные их очень «хвалят».

– Слушаюсь.

Колесников вышел.

Аресты

Вечером в доме номер 5 на улице Сакко и Ванцетти захлопали двери, закрипели половицы, забухали тяжелые кованые сапоги.

В квартиру Бондаревской ввалились обер-ефрейтор, небольшого роста, рыжий и кривоногий, и трое полицаев. Одного из них знал весь Пятигорск: это был Рахим.

– Ни с места, – предупредил обер-ефрейтор, и Рахим перевёл: – Это ваши сыновья?

Нина Елистратовна посмотрела на Юрия и сказала:

– Да, это мой сын.

– А этот? – Рахим кивнул на Витю Дурнева.

– Сосед. Он в пятнадцатой квартире живет.

– Станьте все лицом к стене и поднимите руки. Быстро! Где у вас спрятано оружие и фотоаппарат?

– Я не знаю, о чём вы говорите, – не поворачивая головы, ответила Бондаревская.

– А если мы найдём?

– Ищите...

В это время раздался стук в дверь, и вошла Дурнева. Увидев немца и полицаю, она словно окаменела...

ИЗ БЕСЕДЫ С ЕВДОКИЕЙ СЕМЁНОВНОЙ ДУРНЕВОЙ

«Я жила в то время с двумя детьми: дочерью Валею и сыном Виктором. Старший сын Пётр был на фронте. Младший, Виктор, до войны учился в школе. Он был высокий, русский, глаза карие, на щеке – шрам. Ребята Витю любили, друзей у него в городе было много. Чаще всего они собирались на чердаке нашего дома. Ход на чердак через крышу, прямо с горы Горячей.

Близкими товарищами Виктора были Бондаревский Юра – худощавый, низкорослый, нос вздернут, лицо чистое, светловолосый, и Лёва Акимов – рослый, конопатый, молчаливый.

Еще сын дружил с Лисичкиным, Колотилиным, Темирбековым с улицы Теплосерной, с Котельниковым и Митей Корабельниковым.

В начале сентября Виктор, Юра, Корабельников и Карпов забрались в немецкую легковую машину. Откуда-то вынырнул офицер и стал стрелять. Ребята убежали. А через несколько дней к нам в дом нагрянули полицаи. Их привел Карпуня. Так ребята называли Карпова. Я в это время была в городе. Пришла домой и заглянула к Нине Елистратовне. Когда я приоткрыла дверь, на меня заорали: «Куда лезешь?» Потом один из полицаев крикнул: «Стой, как твоя фамилия?» Я ответила, и он сказал: «Заходи».

Я зашла, и мне приказали повернуться к стене лицом. При обыске всё перерыли. Под кроватью обнаружили новые сапоги. Немец выхватил их из рук полицаи и стал бить Нину Елистратовну по голове. Юрий не выдержал и кинулся на ефрейтора с криком: «Не смей, фашистская морда!» Тот схватил его и ударил кулаком. Полицаи сложили в мешок мыло, свечи, сапоги, платья Нины и другие вещи и вынесли из комнаты.

Потом меня, Бондаревскую и наших мальчиков отконвоировали в Дом туриста. Мы с Ниной остались, а Витю и Юру куда-то увели.

В подвале, сыром и темном, с каменным полом, сидело много людей: дети и женщины. Детей сильно избивали на допросах и всё допытывались о связях с партизанами. Карпуня, видимо, рассказал и о других ребятах, так как их постепенно, одного за другим, арестовывали и свозили в подвал: Акимова, Темирбекова, Лисичкина и других. У Лёвы Акимова при обыске был найден пистолет. Потом фашисты пригнали во двор Витю, Юрия и Лёву и заставили пойти на чердак. Там были обнаружены ещё три пистолета. Дети были ужасно избиты. Сын мне сказал: «Чем терпеть все время такую боль, лучше бы сразу расстреляли. Ну, ничего, придут наши – они за нас рассчитаются».

На допросе от меня требовали: «Говори, для кого ваши дети похищали оружие и документы? Нам об этом рассказал один из арестованных».

«Вот у него и спросите. А я ничего не знаю. И зря вы мучаете детей. Оружие они, наверное, брали для игры».

Кривоногий немец и один русский полицаи начали меня избивать палками, приговаривая: «Скажи, что это за организация. Где она? Кто руководитель?» И так каждый день.

Через неделю был арестован Колотилин и ещё один парень, ребята звали его Артистом, фамилии не знаю. Их схватили, когда они расклеивали листовки».

ИЗ БЕСЕДЫ С ВИКТОРОМ ФОМИЧЕМ ГРОМЫКО, СТАРШИМ МАСТЕРОМ ОБУВНОЙ ФАБРИКИ, ЧЛЕНОМ КПСС

«...Провал пришел неожиданно. В первых числах сентября в городе начались повальные аресты подростков. Были схвачены и мои товарищи. Одни раньше, другие позже. Первыми были арестованы Бондаревский, Дурнев, Карпов и Котельников. Затем Лисичкин, Колотилин, Попов, Качерьянц и Рыжков. Тогда же прошел слух, что их выдал Карпов. Я вначале этому не верил. Но при отступлении гитлеровцев из города видел своими глазами, как Карпов ехал ездовым на пароконной бричке, запряженной гнедыми конями. Бричка была завалена чемоданами и узлами со всяким барахлом. Когда Карпуня увидел меня, отвернулся. Я ему крикнул: «Что же ты, гад такой, советский человек, а убегаешь с немцами?»

Он стегнул коней и даже не оглянулся. Где он теперь, я не знаю [11].

Какова судьба моих товарищей? Их всех фашисты расстреляли. Были казнены тысячи людей. Тысячи...

Как только наши вошли в город, мы стали разыскивать ребят. В одной из камер тюрьмы нашли на стене надпись. Она была нацарапана чем-то острым. Всего несколько слов: «Не плачьте о нас. Мы погибли не зря. Прощайте!!»

ИЗ БЕСЕДЫ С МАРИЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ РЫЖКОВОЙ

«Знала ли я Никитину Екатерину? Да, и очень хорошо. Это была моя соседка и подруга.

Что мне известно о её связях с подпольем? Честно говоря, почти ничего. Помню, как только пришли немцы, Екатерина сказала: «Ну, ждать теперь хорошего не приходится, и жизнь свою надо продать подороже». Уже когда она сидела в подвале полиции, я ухитрилась сунуть ей в окно передачу и перебраться несколькими словами. В одной камере с ней сидел Спартак, её сын.

О том, что Никитина была связана с подпольем, свидетельствуют некоторые факты: перед приходом гитлеровцев в Пятигорск Спартак принёс домой портфель с бланками советских паспортов. Я увидела и спросила: «Где взял и зачем?» Спартак ответил: «Где взял, там уже нет. А зачем – пригодятся».

Екатерина, молчавшая все время, сказала: «Отнеси и спрячь». Спартак вышел и минут через десять вернулся без портфеля.

Другой факт: когда Екатерина уже была арестована, ко мне пришел Спартак и говорит: «Теть Мария, у вас нет ничего из еды, чтобы передать в тюрьму?» Я ему ответила, что сегодня отнесла передачу матери (сам он к ней пойти не мог – арестуют), тогда он мне рассказал, что в полиции сидят два партизана и он должен помочь им продуктами. Кто эти партизаны и как попали в тюрьму, он не сказал. Я собрала передачу, и Спартак ушёл.

Через два дня он тоже был арестован. Когда они с матерью сидели в подвале, я с ними виделась и разговаривала. Они рассказывали, что их пытаются и допрашивают о связях с подпольщиками».

Эпилог

На рассвете, когда небо прозрачно и сине, из Пятигорска виден Эльбрус. Медленно, как бы изнутри, он наливается алым светом, и в нем играет беззвучное пламя. Это встает солнце.

Поднимаясь все выше, солнце касается памятника, и гранит его тоже алеет. А может, это кровь проступает сквозь камень? Кровь тех, кто лежит под ним...

Здесь похоронены зверски убитые фашистами 160 советских граждан.

Нам стали известны многие имена погибших героев. И среди них:

Лев Акимов – комсомолец, учащийся ремесленного училища,

Мурат Темирбеков – пионер, учащийся школы № 11;

Юрий Бондаревский – пионер, учащийся школы № 5;

Виктор Дурнев – пионер, учащийся школы № 5;

Василий Лисичкин – комсомолец, учащийся школы № 17;

Эдуард Попов – пионер, учащийся школы № 5;

Валентин Котельников – пионер, учащийся школы № 16;

Юрий Качерьянц – комсомолец, учащийся школы № 6;

Виктор Колотилин – пионер, учащийся ремесленного училища № 2;

Владимир Рыжков – комсомолец, рабочий мотороремонтного завода;

Екатерина Александровна Никитина – жена коммуниста;

Спартак Никитин – комсомолец, рабочий мотороремонтного завода;

Нина Елистратовна Бондаревская – учительница, работала на мотороремонтном заводе;

Анна Ивановна Переверзева – врач;

Александра Николаевна Павленко – жена офицера Красной Армии.

Примечания

1 Пятигорск – один из первых городов, где зародилось тимуровское движение.

2 Бутылки с зажигательной смесью в первые годы войны применялись вместо противотанковых гранат.

3 Ребята не могли знать, что на Машуке тоже действовали курсанты танкового училища. О подвиге курсантов рассказала «Комсомольская правда»: «Двадцатилетний комсомолец лейтенант Дубовик сумел задержать немцев у Пятигорска, куда прорвались вражеские танки с десантом автоматчиков. Лейтенант организовал

летучий отряд из комсомольцев и занял рубеж на горе Машук. Под началом у лейтенанта было 14 человек».

А в первом номере журнала «Пионер» за 1943 год Самуил Яковлевич Маршак напечатал свою «Балладу о пятнадцати». Вот строки из неё:

Четырнадцать храбрых
Сражались с десантом –
Винтовкой, гранатой, штыком.
Пятнадцать их было
С лихим лейтенантом,
Шестнадцать – с горой Машуком.
Немецкие каски усеяли склоны,
Дороги у ног Машука,
Пока занимали рубеж обороны
Кавказские наши войска.
4 Schuizdienst – служба безопасности.

5 На этот раз пресловутое чутье подвело Винца. Скользящая дорожка, по которой пошел предатель и палач Колесников, в конце концов привела его на скамью подсудимых. Долгие годы и под разными личинами скрывался он от возмездия. И все-таки оно настигло его. В 1961 году он был арестован, и суд военного трибунала Северо-Кавказского военного округа приговорил Колесникова к расстрелу.

6 Удостоверение!

7 А этот парень?

8 Это мой сын. Мы идём к моей сестре. Она живёт в деревне. Она больна.

9 Начальник штаба германского верховного главнокомандования.

10 Ныне гостиница «Машук».